А.Ю. БЕЗУГОЛЬНЫЙ

ДОБРОВОЛЬЦЫ И ОПОЛЧЕНЦЫ

В ВОЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА 1917—1945 гг.

НОВЕЙШИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ РОССИИ

Новейшие исследования по истории России

Алексей Безугольный

Добровольцы и ополченцы в военной организации Советского государства. 1917—1945 гг.

«Центрполиграф»
2024

УДК 94(470)"1917/1945"
ББК 63.3(2)6

Безугольный А. Ю.

Добровольцы и ополченцы в военной организации Советского государства. 1917—1945 гг. / А. Ю. Безугольный — «Центрполиграф», 2024 — (Новейшие исследования по истории России)

ISBN 978-5-227-10854-8

Работа доктора исторических наук А.Ю. Безугольного посвящена истории добровольческого способа комплектования войск Красной армии, а также военизированных формирований, создававшихся вне структуры военного ведомства, — народного ополчения, истребительных батальонов и иных подразделений, в основе своей укомплектованных гражданскими лицами. Интересы власти, вербующей добровольцев, и мотивация самих добровольцев, откликающихся на призыв власти; нормативное регулирование и социально-правовое положение добровольцев; принципы и формы комплектования добровольческих частей; деятельность центрального и местных партийно-государственных аппаратов и органов военного управления по вербовке добровольцев и организации добровольческих частей — все это предмет данного исследования. Книга основана на большом массиве документального материала, значительная часть которого вводится в научный оборот впервые. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 94(470)"1917/1945"
ББК 63.3(2)6

ISBN 978-5-227-10854-8

© Безугольный А. Ю., 2024
© Центрполиграф, 2024

Содержание

Введение 7
Часть первая 20
От рабочей гвардии к регулярной армии 20
Добрестский период добровольческой Красной армии – «романтический» 25
Второй этап добровольчества (конец марта – май 1918 г.) 31
Конец ознакомительного фрагмента. 34

Алексей Юрьевич Безугольный Добровольцы и ополченцы в военной организации Советского государства 1917–1945 гг

© Безугольный А.Ю., 2025
© «Центрполиграф», 2025
© Художественное оформление серии, «Центрполиграф», 2025

Введение

Добровольчество первых десятилетий советского строя – явление совсем не только из области военной истории. Вступление в колхоз, участие в субботнике, социалистическом соревновании с соседним предприятием, перевыполнении производственного плана, взносах на те или иные нужды и многом другом – подменяя собой экономические, социальные, карьерные стимулы, советское добровольчество (за которым, особо не маскируясь, очень часто виднелись государственное принуждение и штурмовщина) было повседневностью советского человека, средством мобилизации общества на решение экономических, социальных и военных задач власти. В свою очередь, тотальная милитаризация общественной жизни также готовила человека в любой момент встать под ружье. «Не нужно забывать, – отмечалось еще в 1927 г. в военно-теоретическом журнале „Война и революция“, – что в настоящее время во всех государствах проводится практическое выполнение идеи „вооруженного народа“ путем военизации и подготовки всего населения, годного к военной службе»[1]. Два этих обстоятельства – добровольческие кампании во всех сферах жизни и поголовная военизация – создавали благоприятную почву для развертывания военной добровольческой кампании фактически в любой момент. Поэтому отклик общества на призыв государства стать добровольцами-комбатантами и не мог принять иной формы, кроме как немедленной массовой записи в райкомах и военкоматах.

Военное добровольческое движение в первые десятилетия советской власти было не только массовым, но и весьма разнообразным. Оно развивалось под воздействием множества факторов, что затрудняет его классификацию и анализ. При ближайшем рассмотрении это с виду такое простое и очевидное социальное явление представляется без преувеличения terra incognita истории отечественных вооруженных сил. Оно не имеет ни общей источниковой базы, ни сколько-нибудь устоявшейся методологии исследования, ни, как следствие, удовлетворительных и непротиворечивых результатов изучения.

Задача данной книги видится мне не в разборе боевого пути формирований, укомплектованных добровольцами, – эта работа в основном уже сделана моими предшественниками. Тем более что постоянная ротация личного состава вследствие боевых и небоевых потерь, переформирований и иных причин довольно скоро оставляла от первоначального состава добровольцев лишь крохи. Об этом надо помнить, когда мы держим в руках объемные труды по истории того или иного соединения, начавшего свой боевой путь как добровольческое у стен Москвы или Ленинграда и дошедшего, условно говоря, «до Рейхстага»[2].

В фокусе внимания данного исследования – сам феномен добровольчества, под которым понимается своеобразное пограничное социальное положение гражданина между статусом гражданского лица и военнослужащего. Многие добровольцы рано или поздно зачислялись в кадры Красной армии, то есть становились военнослужащими, сливаясь с общей массой

---

[1] *Глудин И.* Комплектование РККА очередными призывами // Война и революция. 1927. № 7. С. 48.

[2] Приведу лишь один пример. 110-я стрелковая дивизия, переименованная в конце августа 1941 г. из 4-й московской дивизии народного ополчения, почти полностью потеряла свой личный состав в тяжелых оборонительных боях на боровском направлении в октябре 1941 г. Остатки дивизии попали в окружение под Боровском и Наро-Фоминском, однако сохранили боевое знамя дивизии, вследствие чего дивизия сохранилась и была доукомплектована. С ноября 1941 г. по июль 1942 г. 110-я стрелковая дивизия получила пополнение мобилизованными в количестве 14 700 человек (НА ИРИ РАН. Ф. 2. Разд. 1. Оп. 27. Д. 1. Л. 85). В дальнейшем убыль оставшихся ополченцев шла значительно медленнее за счет того, что в строю оставался командно-начальствующий состав и рядовой состав спецподразделений (артиллерия, саперы, связь), которые несли меньшие потери, чем пехота. Так, на 1 июля 1942 г. в дивизии числилось 920 ополченцев, вступивших в дивизию в июле 1941 г., из которых 35 % – командный и начальствующий состав (НА ИРИ РАН. Ф. 2. Разд. 1. Оп. 27. Д. 1. Л. 85). К апрелю 1943 г. в составе 84-й гвардейской стрелковой дивизии (бывш. 4-й дивизии народного ополчения и 110-й стрелковой дивизии) оставалось 853 ополченца (НА ИРИ РАН. Ф. 2. Разд. 9. Оп. 20. Д. 7. Л. 3).

кадровых военных. Для одних этот путь был очень коротким: человек по собственному желанию являлся в военкомат и сразу принимался в кадры Красной армии, направляясь затем или в запасную часть для военного обучения, или непосредственно в действующие войска. У других на это уходило от нескольких недель до нескольких месяцев: укомплектованные преимущественно добровольцами истребительные батальоны или ополченческие дивизии занимались боевой подготовкой под опекой гражданских властей и через какое-то время направлялись в ряды Красной армии. Для кого-то этот момент и вовсе не наступил: добровольческие формирования могли быть распущены, а их участники возвращались на свои рабочие места.

Так или иначе, перед нами своеобразная «серая зона», в которую уместилось огромное количество социальных процессов и отношений: мотивация власти, вербующей добровольцев, и мотивация самого добровольца, откликающегося на призыв власти; нормативное регулирование добровольчества и социально-правовое положение добровольца; принципы и формы комплектования добровольческих частей; деятельность центрального и местных партийно-государственных аппаратов и органов военного управления по вербовке добровольцев и организации добровольческих частей. Все это составляет предмет данного исследования, и в такой постановке вопроса, на мой взгляд, тема добровольчества еще не рассматривалась.

В этой книге термин *добровольческий* будет употребляться по отношению к широкому перечню военизированных и военных формирований – добровольческим кадровым соединениям Красной армии, народному ополчению, истребительным батальонам, казачьим и некоторым национальным частям, коммунистическим, рабочим и т. д. Правда, строго говоря, сама добровольность комплектования, ставшая незыблемой аксиомой для всей советской и российской историографии и давшая название этой книги, нуждается в серьезной оговорке. Ни одно из добровольческих формирований не являлось в подлинном смысле слова добровольческим, поскольку в организации каждого из них найдется немало фактов комплектования по назначению или принуждению – командный состав часто назначался из кадра Красной армии, а политический и медицинский – райкомами партии; военные специалисты (артиллеристы, пулеметчики, саперы и т. д.) также нередко направлялись из кадра Красной армии; для коммунистов и комсомольцев участие в таких формированиях обычно было обязательным; восполнение потерь осуществлялось мобилизованным личным составом; сам процесс вербовки добровольцев мог сопровождаться изрядным административным нажимом на кандидатов и т. д. Проблемам добровольности далее будет посвящено много страниц. Однако, несмотря на массу исключений, в основе своей такие формирования оставались добровольческими и обладали специфическими признаками, отличавшими их от «обычных» кадровых частей Красной армии. С этой важной оговоркой под добровольческими *военными* формированиями в этой книге понимаются кадровые формирования Красной армии, комплектовавшиеся военнослужащими на добровольной основе. Под добровольческими *военизированными* формированиями понимаются те, которые имели признаки военной организации и комплектовались в основном *гражданскими* лицами; такие формирования обобщенно можно отнести к ополченческим. *Ополчение* являет собой столь специфическую категорию добровольчества, что я посчитал нужным также вынести его в заголовок книги.

Отмечу, что термин «добровольческие военизированные формирования» достаточно широко применяется для определения народного ополчения и истребительных батальонов современными авторами (Б.Г. Усик, Г.Д. Пилишвили и др.), а также современными фундаментальными академическими трудами по истории Великой Отечественной войны[3] и Военной энциклопедией[4].

---

[3] Великая Отечественная война 1941–1945 годов: В 12 т. Т. 2. Происхождение и начало войны. М., 2012. С. 837.

[4] Военная энциклопедия. Т. 5. М., 2001. С. 372.

Кроме добровольческих формирований, предметом данного исследования явились и индивидуальные добровольцы – лица, поступавшие в обычные кадровые части Красной армии. Однако следует иметь в виду: добровольцы, зачисляемые в недобровольческие части, чаще всего немедленно и безвозвратно исчезают из поля зрения историка: за исключением периода Гражданской войны, их специальный учет не велся органами военного управления. Тем не менее источники позволили сделать определенные наблюдения и в этой области.

Наконец, внимание уделено и особой, относительно немногочисленной, но устойчивой категории добровольцев – сверхсрочнослужащим. Это профессиональные солдаты и младшие командиры, в которых нуждается любая массовая армия современности.

Итак, добровольцами могли пополнять кадровые части Красной армии, а могли – особые, ополченческие, комплектуемые преимущественно гражданскими лицами. Добровольческие формирования кадрового типа формировались по штатам соединений и частей Красной армии, в то время как в ополчении штаты нередко приходилось подгонять под наличные людские и материальные ресурсы. Второй тип добровольческих формирований – феномен прежде всего Великой Отечественной войны.

Период Великой Отечественной войны оказался самым сложным этапом в выбранных хронологических рамках. Не случайно ему посвящена значительная часть книги. Вряд ли будет ошибкой сказать, что количество созданных в 1941–1945 гг. добровольческих военных и военизированных формирований от взвода до корпуса и даже армии исчисляется тысячами; они различались по организации, подчиненности, принципам комплектования и боевой судьбе.

Добровольческие формирования периода Великой Отечественной войны можно классифицировать следующим образом:

– народное ополчение, рабочие и коммунистические части и соединения;

– истребительные батальоны и полки;

– партизанские формирования;

– казачьи кавалерийские дивизии;

– кадровые добровольческие формирования Красной армии (стрелковый и танковый корпуса добровольцев, формировавшиеся в Сибири и на Урале);

– некоторые национальные формирования;

– женские добровольческие формирования.

Предложенная классификация не является исчерпывающей; к тому же повторю еще раз: ни один из перечисленных типов формирований не комплектовался исключительно добровольцами.

Львиную долю добровольцев в годы Великой Отечественной войны вобрали в себя части народного ополчения и истребительные батальоны. Последние относились к формированиям ополченческого типа (комплектовались гражданскими лицами), однако подчинялись органам НКВД. В отечественной историографии приняты такие данные (впервые они без ссылок на источники были обнародованы в официозной «Истории КПСС» в 1970 г.): ополченцы были организованы в 60 дивизий и около 200 отдельных полков народного ополчения[5]. Истребительных батальонов к концу июля 1941 г. было сформировано 1755 общей численностью более 328 тыс. человек[6]. Всего, по тем же данным, за годы войны не менее 4 млн человек изъявило желание вступить в народное ополчение, причем около 2 млн человек сражалось с врагом уже летом и осенью 1941 г. Эти цифры стали аксиомой и тиражируются во всех без исключения

---

[5] История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 5. Кн. 1. М., 1970. С. 182–183. В дальнейшем эти данные публиковались в трудах: Великая Отечественная война: Краткий научно-популярный очерк. М., 1973. С. 314, 317; *Кирсанов Н.А.* По зову Родины. Добровольческие формирования Красной Армии в период Великой Отечественной войны. М., 1974. С. 4; *Колесник А.Д.* Ополченские формирования Российской Федерации в годы Великой Отечественной войны. М., 1988. С. 10 и др.

[6] История КПСС. Т. 5. Кн. 1. С. 180.

работах. Благодаря наличию централизованного делопроизводства, недавно удалось частично верифицировать данные по истребительным батальонам, о чем будет сказано ниже. Что касается обобщающих цифр – 4 млн заявлений и около 2 млн добровольцев в 1941 г., – подтвердить или опровергнуть их пока не представляется возможным.

Современная Военная энциклопедия, которую можно считать определенной нормой в военно-исторической терминологии, определяет народное ополчение в Великой Отечественной войне как «добровольческие военные и военизированные формирования из лиц, не подлежавших первоочередному призыву по мобилизации, создававшиеся для помощи действующей армии и усиления охраны тыла…»[7]. Среди существенных признаков ополчения исследователи еще выделяют его временный и оборонительный характер, а также более широкий возрастной диапазон ополченцев по сравнению с кадровыми военнослужащими[8].

Истребительные батальоны стоят несколько особняком – это военизированные формирования, имевшие достаточно четкую организационно-правовую основу и вертикальную организацию в системе НКВД. В литературе существуют противоположные мнения о сущности этих формирований, и прежде всего о том – относить их к ополченческим или нет. Достаточно часто их характеризуют как добровольческие и называют «формой народного ополчения»[9]. Другие исследователи[10] выделяют истребительные батальоны в отдельную категорию. Вопрос с терминологическим разграничением между ополчением и истребительными батальонами действительно не прост, и с разных временных и региональных ракурсов в истребительных батальонах можно разглядеть и полное сходство, и совершенно противоположные с ополчением признаки. Централизованная вертикаль с единым штабом, включенность в структуру НКВД, выполнение специфических патрульно-постовых, охранных, караульных задач, которые не на кого больше было возложить, – с одной стороны. С другой – повсеместное нарушение упомянутой вертикали, нечеткость организационной структуры многих истребительных батальонов, гражданский статус рядового состава, сохранение за ним рабочего места и заработной платы, большая текучесть кадров и перманентное «поглощение» батальонов войсками Красной армии. Все эти признаки роднят истребительные батальоны с народным ополчением. С этими оговорками истребительные батальоны будут рассмотрены в данной книге.

За пределами исследования добровольчества периода Великой Отечественной войны остались некоторые другие военизированные формирования периода 1941–1945 гг., также комплектовавшиеся в значительной степени добровольцами, – партизанские и диверсионные отряды (в силу того, что воевали за линией фронта) и местная противовоздушная оборона – МПВО НКВД (в силу того, что ее подразделения вообще не выполняли боевых задач).

Историография добровольчества представляет собой сложное явление. Тематически основное место в ней занимают работы, посвященные периоду Великой Отечественной войны. История добровольчества периода Гражданской войны интересовала прежде всего историков советского периода, и в современной России изучение этого явления почти сошло на нет. Опыт комплектования Красной армии и флота в 1918–1922 гг., в том числе на добровольных началах, кратко освещен в работах по истории Гражданской войны в СССР[11], а также в отдель-

---

[7] Военная энциклопедия. Т. 5. М., 2001. С. 372.

[8] *Добров П.В., Колесник А.Д., Куманев Г.А., Пашко Я.Е.* Народное ополчение защищает Родину. М., 1990. С. 9.

[9] *Добров П.В., Колесник А.Д., Куманев Г.А., Пашко Я.Е.* Указ. соч. С. 294; Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: Сб. док-тов. Т. 2. Кн. 1. Начало. 22 июня – 31 августа 1941 года. М., 2000. С. 65; *Кирсанов Н.А.* По зову Родины. Добровольческие формирования Красной Армии в период Великой Отечественной войны. М., 1974. С. 4–5; *Шолин В.В.* Истребительные батальоны НКВД в период битвы за Ленинград и Карелию (1941–1944 гг.). СПб., 2006. С. 3, 34.

[10] *Дзенискевич А.Р.* Фронт у заводских стен. Малоизученные проблемы обороны Ленинграда. 1941–1944. СПб., 1998. С. 9; *Пилишвили Г.Д.* Народное ополчение Центрально-Черноземного региона РСФСР в годы Великой Отечественной войны (1941–1943). Курск, 2011. С. 13; *Колошинская Н.В.* Проблемы правового регулирования организации и деятельности истребительных батальонов в Ленинграде (1941–1944 гг.) // Ученые записки СПб. филиала РТА № 2 (74) 2020. С. 114 и др.

[11] Гражданская война в СССР. Т. 1. М., 1980; Т. 2. М., 1986.

ных исследованиях[12]. В некоторых работах рассматривается история создания в 1917 г. Красной гвардии на добровольной основе и ее участия в начальной фазе Гражданской войны в России[13], обстоятельства составления и принятия декрета об организации добровольческой Красной армии[14], вопросам комплектования Красной армии людскими ресурсами[15]. Наиболее квалифицированными работами, посвященными вопросам комплектования Красной армии в годы Гражданской войны, остаются книга Н.Н. Мовчина, изданная столетие назад[16], а также монография С.М. Кляцкина, посвященная строительству вооруженных сил Советской России в годы Гражданской войны[17].

Первыми исследованиями, посвященными добровольчеству в годы Великой Отечественной войны, стали работы об ополчении Ленинграда[18]. В них затронуты вопросы формирования и комплектования различных некадровых воинских образований, в большей или меньшей степени комплектовавшихся добровольцами: дивизий народного ополчения, артиллерийско-пулеметных батальонов, истребительных батальонов и рабочих отрядов.

Н.А. Кирсанов в 1970 г. сначала защитил кандидатскую диссертацию, посвященную партийным мобилизациям в войска[19], а затем написал несколько монографий и статей о различных аспектах добровольчества[20].

Истребительным батальонам и полкам, повсеместно создававшимся в период войны, посвящены единственная монография советского периода С.В. Биленко, учебные пособия Ф.Г. Банникова, П.С. Хвичии[21]. В ряде работ рассмотрены отдельные добровольческие соединения[22] и региональные ополчения[23]. Наиболее плодотворен в советский период был А.Д. Колесник, издавший несколько монографий о народном ополчении[24]. Отчасти вопрос добровольчества затрагивается в монографии А.М. Синицына[25]. Недостатки в формировании доб-

---

[12] *Никонов Ф.* Главнейшие моменты организации Красной Армии // Гражданская война. 1918–1921. Т. 2. М., 1928; *Поликарпов В.Д.* Добровольцы 1918 года // Вопросы истории. 1983. № 2. С. 23–40; *Молодцыгин М.А.* Красная Армия: Рождение и становление, 1917–1920 г. М., 1997.

[13] *Верхось В.П.* Красная гвардия в Октябрьской революции. М., 1976; *Цыпкин Г.А., Цыпкина Р.Г.* Красная гвардия – ударная сила пролетариата в Октябрьской революции: По материалам Центр. пром. р-на Урала и Поволжья. М., 1977; *Павлова И.В.* Красная гвардия в Сибири. Новосибирск, 1983; *Конев А.М.* Красная гвардия на защите Октября. М., 1989 и др.

[14] *Фрайман А.Л.* Ленинский декрет об организации Красной Армии (К истории издания и публикации) // Исследования по отечественному источниковедению: Сб. ст., посв. 75-летию проф. С.Н. Валка. (Труды ЛОИИ, вып. 7). М.; Л., 1964. С. 100–109.

[15] *Дмитриев П.Н.* Подготовка людских резервов для Красной армии в период военной интервенции и Гражданской войны в СССР (1918–1920 гг.): Дис. … канд. ист. наук. М., 1958; *Поликарпов В.Д.* Добровольцы 1918 года // Вопросы истории. 1983. № 2. С. 23–40; *Поляков Р.Ю.* «В ряды добровольцев… стали попадать нежелательные элементы»: Формирование красноармейских частей на принципах добровольчества в 1918 году (на примере Пензенской губернии) // Военно-исторический журнал. 2014. № 3. С. 9—14 и др.

[16] *Мовчин Н.* Комплектование Красной армии: Историч. очерк. М., 1926.

[17] *Кляцкин С.М.* На защите Октября: организация регулярной армии и милиционное строительство в Советской Республике. 1917–1920. М., 1965.

[18] *Беляев С., Кузнецов П.* Народное ополчение Ленинграда. Л., 1959; *Кузнецов П.И.* Великий патриотический подвиг (О народном ополчении Московской заставы Ленинграда). Л., 1959.

[19] *Кирсанов Н.А.* Партийные мобилизации на фронт в годы Великой Отечественной войны. Автореферат дис. … канд. ист. наук. М., 1970.

[20] *Кирсанов Н.А.* Партийные мобилизации на фронт в годы Великой Отечественной войны. М., 1972; *его же.* По зову Родины…; *Кирсанов Н.А., Дробязко С.И.* Великая Отечественная война 1941–1945 гг.: национальные и добровольческие формирования по разные стороны фронта // Отечественная история. 2001. № 6. С. 60–75.

[21] *Биленко С.В.* Истребительные батальоны в Великой Отечественной войне. М., 1969; *его же.* На охране тыла страны. Истребительные батальоны и полки в Великой Отечественной войне 1941–1945. М., 1988; *Банников Ф.Г.* Истребительные батальоны НКВД СССР в Великой Отечественной войне. М., 1969; *Хвичия П.С.* Истребительные батальоны МВД СССР в период Великой Отечественной войны. Тбилиси, 1989.

[22] Сибирская добровольческая. Новосибирск, 1967.

[23] *Логинов И.М.* Ополченцы в боях за родной город. Волгоград, 1963.

[24] *Колесник А.Д.* Народное ополчение городов-героев. М., 1974; *его же.* Ополченские формирования Российской Федерации…

[25] *Синицын А.М.* Указ. соч. М., 1985.

ровольческих частей (неподготовленность личного состава, низкая квалификация командиров, отрыв высококвалифицированных специалистов от народного хозяйства, неоправданные потери среди них и т. д.) были отмечены в труде «Военные кадры Советского государства в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (1963)[26]. В целом в советское время драматическая история московского, ленинградского и других ополчений, разделивших с Красной армией горькую участь первого периода войны, находилась под спудом идеологических ограничений, в силу чего многие острые вопросы в советской литературе не затрагивались. В то же время, хотя и в идеологических рамках, советские исследователи (А.Д. Колесник, Н.А. Кирсанов, С.В. Биленко и др.) старались широко охватить материал, отчасти сделав обобщения общесоюзного масштаба.

Последняя крупная работа советского периода, посвященная ополчению, была издана небольшим тиражом коллективом авторов (П.В. Добров, А.Д. Колесник, Г.А. Куманев, Я.Е. Пашко) в 1990 г. Хотя книгу совсем не затронули новые политические веяния, ее ценность состоит в осмыслении исторического опыта ополчения. В первой главе книги представлена попытка классифицировать ополченческие формирования, определить общее и особенное в истории добровольческих частей. При этом авторы констатировали, что проблема создания и боевого использования народного ополчения «до сих пор принадлежит к числу все еще мало исследованных и весьма скупо освещенных в советской исторической литературе»[27].

В современной России институт добровольчества изучается в основном в региональном аспекте, тем более что материалы по истории добровольческих формирований отложились в основном в местных архивах. Среди современной литературы встречаются примеры весьма качественного и полного освоения региональных архивных источников. В центре внимания исследователей – ополчения, создававшиеся в Тульской, Воронежской, Курской, Тамбовской, Ярославской, Омской областях, Красноярском, Краснодарском краях[28]. Очень большую работу по выявлению, публикации и анализу материалов, связанных с добровольческими формированиями, участвовавшими в обороне Сталинграда, провели волгоградские историки под руководством М.М. Загорулько, Б.Г. Усика. Перу последнего принадлежит кандидатская диссертация и написанная на ее основе фундаментальная монография о сталинградском ополчении – одна из наиболее качественных работ по ополченческой тематике, характеризующаяся глубиной поиска и проработки источников[29]. Определенный интерес представляет изданная в 1996 г. монография П.В. Доброва, посвященная народному ополчению[30]. Будучи исследователем из Донецка, Добров много внимания уделил региональным ополчениям, в том числе

---

[26] Военные кадры Советского государства в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. М., 1963. С. 82–84.

[27] *Добров П.В., Колесник А.Д., Куманев Г.А., Пашко Я.Е.* Указ. соч. С. 11.

[28] *Петрушин А.* Спецдобровольцы // Родина. 2000. № 5. С. 153–155; *Кирсанов Н.А.* Танковый корпус сверх плана // Военно-исторический журнал. 2008. № 9. С. 42–45; *Филиппов В.В.* Неизвестные документы о формировании и боевых действиях 78-й Сталинской добровольческой отдельной стрелковой бригады сибиряков-красноярцев // Сибирь и сибиряки в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: Мат-лы Сибирского исторического форума. Красноярск, 2015. С. 39–43; По зову сердца. 78-я Сталинская добровольческая стрелковая бригада. М., 2015; *Пилишвили Г.Д.* Формирование частей народного ополчения в первые месяцы Великой Отечественной войны на территории Воронежской, Курской и Тамбовской областей // Клио. 2012. № 1. С. 85–89; *его же*. Формирование, обучение и вооружение народного ополчения Воронежской области в 1941–1943 гг. // Клио. 2019. № 7. С. 127–134; *Брыксин И.И.* Добровольческое движение в годы Великой Отечественной войны (по материалам Ярославской области) // Научный диалог. 2015. № 12. С. 241–249; *Полозов Е.М., Немова С.Н.* Вспомним всех поименно. Личный состав Тульского рабочего полка. Тула, 2020; *Будницкий О.* «Писательская рота». К истории сталинизма военного времени // Cahiers du Monde russe, 62/1, Janvier-mars 2021, p. 179–206; *Сушко А.В., Петин Д.И.* «Отработать обязанности бойца при наступлении»: Докладная записка о проведении тактических учений народного ополчения (Омск, июль 1941 г.) // Вестник Омского университета. Сер.: Исторические науки. 2021. Т. 8. № 1. С. 118–123; *Сушко А.В., Нагаев И.Б.* 75-я Сталинская добровольческая отдельная стрелковая бригада омичей-сибиряков: историописание и коммеморация // Новейшая история России. 2022. Т. 12. № 3. С. 563–580. URL: https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2022.302 и др.

[29] *Усик Б.Г.* Народное ополчение Сталинграда. Волгоград, 2016.

[30] *Добров П.В.* Народное ополчение в годы Великой Отечественной войны. Донецк, 1996.

создававшимся в украинских городах. Изучаются казачьи добровольческие формирования [31]. Среди работ на эту тему следует выделить добротную диссертацию А.В. Агеева, основанную на хорошей источниковой базе[32]. Также отмечу диссертацию и статью М.И. Тягура, в которых сделаны серьезные шаги в исследовании истории добровольческих лыжных батальонов, формировавшихся во время Советско-финляндской войны 1939–1940 гг.[33]

Из всех формирований народного ополчения по-прежнему наиболее полно освещается история московского[34] и ленинградского[35] ополчений. Многим дивизиям посвящены отдельные книги, а иногда и не по одной. Среди немногочисленных обобщающих работ по истории московского ополчения следует отметить книгу В.И. Каримова «Они отстояли Москву. Летопись народного ополчения Москвы»[36], носящую энциклопедический характер. В работе отображен боевой путь 12 дивизий народного ополчения, сформированных в июле 1941 г., и 4 дивизий октябрьского формирования. Приведены обстоятельства и места формирования, особенности комплектования личным составом, командование дивизий и полков, награды и отличия, проанализирован боевой путь московских соединений на дальних и ближних подступах к столице, а затем и на других участках фронта.

Аргументированный анализ генезиса московского ополчения в первые дни и недели войны представлен в большой статье О.В. Будницкого[37]. Автор приходит к выводу о том, что рождение ополчения в значительной мере было продиктовано шоковым состоянием руководства страны и лично И.В. Сталина в связи с катастрофическими неудачами на фронте в первые дни войны. Это внесло сумбур и метания в процесс формирования дивизий народного ополчения.

Большую ценность для объяснения принципов функционирования советской власти в условиях войны представляют докторская диссертация и публикации В.Н. Данилова, посвященные местным чрезвычайным органам власти – городским комитетам обороны[38]. На большом документальном материале автор показывает процесс создания и боевого применения народного ополчения как децентрализованной военной организации, слабо связанной установками центральной власти. Инициативность региональных (областных и городских) властей (прежде всего городских комитетов обороны, учрежденных в октябре 1941 г.) в вопросах фор-

---

[31] *Курков Г.М.* Кубанские и донские казачьи кавалерийские формирования в 1936–1945 гг.: историческое исследование: Дис. … канд. ист. наук. М., 2006.

[32] *Агеев А.В.* Добровольческие казачьи кавалерийские корпуса Красной армии: формирование и участие в обороне Северного Кавказа (июнь 1941 года – декабрь 1942 года): Дис. … канд. ист. наук. Ростов н/Д., 2013.

[33] *Тягур М.И.* Военно-мобилизационные мероприятия в Ленинградском регионе в связи с Советско-финляндской войной. Осень 1939 – лето 1940 г.: Дис. … канд. ист. наук. СПб., 2019. С. 202–221; *его же.* Ленинградские добровольческие лыжные батальоны периода Советско-финляндской войны 1939–1940 годов // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. 2017. № 6. С. 51–61 и др.

[34] *Климанов В.В.* Собой заслонили Москву: подвиг 17-й стрелковой дивизии нар. ополчения. Народное ополчение на защите Москвы. М., 2005; *Кириллов А.А.* Дивизия героев: от Москвы до Эльбы: боевой путь 21-й дивизии народного ополчения Москвы. Петрозаводск, 2016; *Бирюков В.К.* Добровольцы-москвичи на защите Отечества. 3-я Московская коммунистическая стрелковая дивизия в годы Великой Отечественной войны. М., 2017 и др.

[35] *Дзенискевич А.Р.* Фронт у заводских стен. Малоизученные проблемы обороны Ленинграда. 1941–1944. СПб., 1998; *Добров П.В.* Народное ополчение Ленинграда в годы Великой Отечественной войны. Донецк, 2006; *Дубаренко К.Д., Терентьев В.О.* 3-я Ленинградская дивизия народного ополчения – 49-я стрелковая дивизия РККА: историческая хроника боевого пути, тактический обзор боевых действий. СПб., 2011; *Шевченко А.И.* Дивизия ЛАНО: История 2-й дивизии Ленинградской армии народного ополчения. СПб., 2015 и др.

[36] *Каримов В.И.* Они отстояли Москву. Летопись народного ополчения Москвы. М., 2016.

[37] *Будницкий О.В.* Московское народное ополчение: причины и особенности создания // Российская история. 2020. Вып. 3. С. 3—20.

[38] *Данилов В.Н.* Чрезвычайные органы власти регионов России в годы Великой Отечественной войны. Саратов, 1996; *его же.* Советское государство в Великой Отечественной войне: феномен чрезвычайных органов власти. 1941–1945 гг. Саратов, 2002; *его же.* Чрезвычайные органы власти в советской государственной системе // Известия Саратовского университета. 2012. Т. 12. Сер.: История. Международные отношения. Вып. 2. С. 110–118; *его же.* Городские комитеты обороны. Чрезвычайные органы власти в годы Великой Отечественной войны. М., 2024.

мирования местных военизированных частей, – очень любопытный сюжет, почти не дискутировавшийся до появления работ В.Н. Данилова.

В 2022 г. Научно-исследовательским институтом военной истории Военной академии Генерального штаба РФ был издан труд, посвященный опыту комплектования отечественных вооруженных сил на добровольной основе[39]. Работа носит прикладной характер, поэтому внимание в ней сосредоточено на материале последних десятилетий, связанном с особенностями комплектования армии России военнослужащими контрактной службы. Небольшой очерк опыта добровольчества в период Гражданской и Великой Отечественной войн был подготовлен мной в соавторстве с А.В. Исаевым.

Большую популярность в современной исторической науке получили истребительные части. Они создавались в европейской части СССР почти повсеместно, что позволяет изучать их на местном архивном материале. Появилось немало диссертаций, защищенных в различных городах[40], статей, подготовленных на местном материале[41]. В этом ряду следует отметить работу Г.Д. Пилишвили, защитившего диссертацию[42] и опубликовавшего серию основанных на местном архивном материале содержательных статей и монографий, посвященных ополчению и истребительным батальонам, формировавшимся и действовавшим в областях Центрально-Черноземного региона в 1941–1944 гг.[43] Также отмечу концептуальную кандидатскую диссертацию Т.Д. Медведева, в которой он попытался обобщить опыт строительства и применения истребительных батальонов за весь период войны на всей территории страны, изучив материалы Центрального штаба истребительных батальонов, недавно выявленные в фонде Главного управления по борьбе с бандитизмом НКВД в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ)[44]. В заслугу Медведеву нужно отнести уточнение по материалам НКВД масштабов строительства истребительных батальонов, в целом подтверждающие масштабы этого явления из литературы советского периода: по его сведениям, до конца июля 1943 г. было сформировано 1775 батальонов общей численностью 320 тыс. человек[45]. Еще около 204 тыс.

---

[39] Исторический опыт комплектования армии России военнослужащими на добровольной основе / Науч. рук. Д.Ю. Дайнес. М., 2022.

[40] *Протасов Ю.С.* Добровольческие формирования в структуре НКВД в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: На материалах Центрально-Черноземного региона: Дис. … канд. ист. наук. Воронеж, 1999; *Шолин В.В.* Истребительные батальоны НКВД в период битвы за Ленинград и Карелию: Дис. … канд. ист. наук. СПб., 2006. *Никулина Е.В.* Истребительные батальоны Ставрополья и Кубани в годы Великой Отечественной войны: Дис. … канд. ист. наук. Пятигорск, 2003; *Берговский М.И*. О добровольческих истребительных формированиях Тульской области и их роли в обороне г. Тулы в годы Великой Отечественной войны // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. История и археология. 2014. № 4. С. 99—105; Истребительные батальоны Липецкого края в годы Великой Отечественной войны. Липецк, 2005 и др.

[41] *Гриднев В.П.* Истребительные батальоны в истории Ленинградской битвы // Вестник Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России. 2012. № 4. С. 109–112; *его же.* Защищая Ленинград (1941–1944 гг.) // Управленческое консультирование. 2019. № 9. С. 95—104; *Цыпленков К.В.* Московские истребительные батальоны. Июль – октябрь 1941 // Старый Цейхгауз. 2009. № 31. С. 50–56; *Жук Ю.А.* Истребительный батальон Красногорского райотдела УНКВД г. Москвы и Московской области // Историко-краеведческий альманах Красногорье. № 9. М., 2003. С. 52–78; *Потемкин И.А., Синиченко В.В.* Деятельность УНКВД Москвы и Московской области по организации партизанских отрядов, истребительных батальонов и диверсионных групп в 1941 году // Политическая история России: прошлое и современность. СПб., 2022. С. 67–83 и т. д.

[42] *Пилишвили Г.Д.* Добровольческие военизированные формирования в годы Великой Отечественной войны (на примере народного ополчения и истребительных батальонов Курской области): Дис. … канд. ист. наук. Курск, 2005.

[43] *Пилишвили Г.Д.* Боевая деятельность истребительных батальонов в Центрально-Черноземном регионе РСФСР (1941–1945 гг.). Курск, 2007; *его же*. Вклад и значение истребительных батальонов Народного комиссариата внутренних дел в борьбу с преступным элементом на завершающем этапе Великой Отечественной войны. По материалам архивов Курской области // Былые годы. 2014. № 33. С. 460–465; *его же*. Вклад истребительных батальонов в оборону городов Воронежа и Курска в 1941–1942 годах от немецко-фашистских захватчиков // Воронежский вестник архивиста. Вып. 8. Воронеж, 2010. С. 121–134; *его же*. Деятельность партийно-советских и государственных структур по организации народного ополчения на территории Тамбовской области в 1941 г.: значение и роль фактора пропаганды // Региональные историко-культурные исследования. Т. 3: Сб. ст. Курск, 2022. С. 35–37 и др.

[44] *Медведев Т.Д.* Истребительные батальоны НКВД СССР в период Великой Отечественной войны: Дис. … канд. ист. наук. М., 2023.

[45] Там же. С. 68–69.

человек набрано в течение 1944 г. для укомплектования вновь сформированных батальонов на территории Украины, Белоруссии, Прибалтики[46].

Одним из источников пополнения рядов Красной армии добровольцами были женщины, которыми замещались должности прежде всего в частях боевого и тылового обеспечения. Гендерному аспекту истории Великой Отечественной войны и участию в ней женщин, в том числе на добровольной основе, посвящена обширная литература. В советский период выделялись работы В.С. Мурмацевой[47]. В постсоветский период выделяются монографии, диссертации и статьи С.Н. Полторака, Л.Д. Лактионовой, В.И. Петраковой, Н.Н. Пожидаевой, Г.Н. Каменевой и др.[48] В региональном аспекте гендерная тема весьма «диссертабельна»[49].

Также было защищено несколько диссертационных работ, в которых добровольчество рассматривалось как феномен русской и советской социальной традиции и культуры[50]. Весьма любопытна кандидатская диссертация Е.Н. Боле, одна из глав которой посвящена содержательному анализу источника, к которому очень часто прибегают как к безликому статистическому массиву, – заявлениям добровольцев (в данном случае – на примере одного региона).

В зарубежной литературе тема добровольчества в истории Красной армии затрагивалась вскользь в контакте рассмотрения других, более общих вопросов истории советских вооруженных сил[51], а также в работах по истории добровольческого комбатанства в военных конфликтов XX в.[52]

Оценивая историографию добровольчества, разработку темы нельзя признать удовлетворительной и полной. Особенно это относится к историографии Великой Отечественной войны. Советские исследования были скованы тисками идеологии, а тематика современных исследований атомизирована, попыток обобщений – мало. Литературу характеризует приоритетное внимание к истории боевой деятельности добровольческих формирований с акцентом на их героические страницы – и в этом отношении они попадают в наезженную колею, проложенную советской исторической наукой. В то время как институциональным чертам добровольчества не уделяется серьезного внимания.

---

[46] Там же. С. 71.

[47] *Мурмацева В.С.* Женщины в солдатских шинелях. М., 1971; *ее же*. Советские женщины в Великой Отечественной войне. М., 1974 и др.

[48] *Полторак С.Н.* Женщины на фронтах Великой Отечественной войны. СПб., 2002; *Иванова Ю.Н.* Храбрейшие из прекрасных. Женщины России в войнах. М., 2009; *Крылов В.М., Успенская С.В., Ефимов С.В.* Сила слабых. Женщины в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. СПб., 2005; *Каменева Г.Н.* Патриотическая деятельность женщин Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 2014; *Каменева Г.Н.* Феномен женского воинского добровольчества (1941–1945 гг.) // Кант. 2015. № 3. С. 4–8; *ее же*. Женский контингент фронтов юга России: вклад в дело победы (1941–1945 гг.) // Кант. 2016. № 1. С. 8—14 и др.

[49] *Лактионова Л.Д.* Женские авиационные части в 1941–1945 гг.: Дис. … канд. ист. наук. М., 1999; *Каменева Г.Н.* Женщины Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Дис. … канд. ист. наук. Ставрополь, 2004; *Барсукова Н.В.* Женщины в Вооруженных силах СССР в годы войны 1941–1945 гг. (по материалам Красноярского края): Дис. … канд. ист. наук. Красноярск, 2005; *Пожидаева Н.Н.* Женщины Курской области в Вооруженных силах Советского Союза и в добровольческих военизированных формированиях в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: Дис. … канд. ист. наук. Курск, 2007; *Петракова В.И.* Женские стрелковые формирования в СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): Автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 2013 и др.

[50] *Луговая Е.А.* Феномен добровольчества в социокультурном пространстве России: Дис. … канд. культурологии. Саратов, 2012; *Боле Е.Н.* Мобилизация людских ресурсов на фронт в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (на материалах Коми АССР): Дис. … канд. ист. наук. Сыктывкар, 2004 и др.

[51] *Jones E.* The Red Army and Society: A Sociology of the Soviet Military. London, 1986; *Von Hagen M.* Soldiers in the proletarian dictatorship: The Red army a. the Sov. social. state, 1917–1930 / Mark von Hagen. – Ithaca; London: Cornell univ. press, 1990; *Sanborn J.A.* Drafting the Russian nation: military conscription, total war, and mass politics, 1905–1925 / Joshua A. Sanborn. – DeKalb, Ill.: Northern Illinois University Press, 2003; *Merridale C.* Ivan's war: life and death in the Red Army, 1939–1945. New York: Picador, cop. 2006

[52] *Weir W.* Irregular Warfare in the XXth Century Mechanicsburg, Pa; Stackpole; Enfield: Publishers Group UK Distributor, 2008, pp. 75–97; *Krueger Ch., Levsen S.* War Volunteering in Modern Times: From the French Revolution to the Second World War Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2011; *Sheipers S.* Unlawful Combatants: A Genealogy of the Irregular Fighter Oxford: Oxford University Press, 2015.

Источниковую базу исследования составили опубликованные и неопубликованные документы, воспоминания участников событий, материалы прессы. По теме строительства советских вооруженных сил изданы десятки содержательных документальных сборников, материалы которых были использованы в данной книге. Во многих из них представлены нормативные и делопроизводственные (организационно-распорядительные, отчетные, информационно-статистические и иные документы), так или иначе освещающие тему добровольного комплектования войск Красной армии и формирования вне-армейских военизированных структур за период Гражданской войны[53], в межвоенный период[54] и в годы Великой Отечественной войны[55]. Особо следует отметить сборники документов, посвященные добровольческому движению в конкретных регионах и отдельных добровольческим формированиям[56].

Среди архивных материалов наибольшую ценность для исследования представляли фонды Управления делами Народного комиссариата по военным делам (ф. 1); Всероссийской Коллегии по организации и формированию РККА при Наркомвоене (ф. 2); Полевого штаба РВСР (ф. 6); Штаба РККА (ф. 7); Высшей военной инспекции РККА (ф. 10), Всероссийского Главного штаба (ф. 11), Секретариата Председателя РВСР (ф. 33987) и других фондов Российского государственного военного архива (РГВА); фонда Народного комиссариата по делам национальностей (Р-1318) Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ); фондов Главного организационно-мобилизационного управления Генерального штаба Красной армии (ф. 7); Главного политического управления РККА (ф. 32); Главного управления формирования и укомплектования войск Красной армии (ф. 56), Московского военного округа (ф. 135), а также фондов отдельных воинских формирований Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ), материалы Комиссии по истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. академика И.И. Минца из фондов Научного архива Института российской истории Российской академии наук (НА ИРИ РАН. Ф. 2, разд. 2, 3, 9) и материалы городских архивов Москвы и Санкт-Петербурга. Хочется отметить содержательный фонд политотдела Ленинградской армии народного ополчения (ЛАНО) в Центральном госу-

---

[53] Сборник декретов, приказов и распоряжений правительства по призывам в Красную армию. М., 1918; Стенографический отчет V Всероссийского съезда Советов Р., К., С. и К. Д. М., 1918; Шестой Всероссийский чрезвычайный съезд Советов рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов: Стенографический отчет. 6–9 ноября 1918 г. М., 1919; Гражданская война: Материалы по истории Красной армии. Т. 1. М., 1923; Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. М., 1942; Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1920 г. Управление делами Совнаркома СССР. М., 1943; КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Ч. 1. М., 1954; Декреты советской власти. Т. 1. 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. М., 1957; Т. 2. 17 марта – 10 июля 1918 г. М., 1959; Т. 3. 11 июля – 9 ноября 1918 г. М., 1964; Т. 5. 1 апреля – 31 июля 1919 г. М., 1971; Восьмой съезд РКП(б). Март 1919 года. Протоколы. М., 1959; Октябрьская революция и армия. 25 октября 1917 г. – март 1918 г.: Сб. док-тов. М., 1973; Директивы командования фронтов Красной армии (1917–1922 гг.). Т. 4. М., 1978 и др.

[54] Закон об обязательной военной службе в новой редакции с 1 августа 1928 г. М.; Л., 1929; Закон об обязательной военной службе в редакции 15 августа 1930 г. М., 1931; Закон о всеобщей воинской обязанности. М., 1939.

[55] Сборник законов, постановлений и приказов НКО о всеобщей воинской обязанности и прохождении службы начальствующим составом Красной армии. М., 1942; Приказы Народного комиссара обороны и Министра Вооруженных сил Союза ССР о пенсиях и пособиях генералам, офицерам, сержантскому (старшинскому) и рядовому составу, солдатам и матросам Вооруженных сил и их семьям. М., 1947; Шли на фронт добровольно. О народном ополчении языком документов / Публ. В.В. Черепанова // Военно-исторический журнал. 1996. № 1. С. 9—16; Русский архив: Великая Отечественная: Ставка ВГК: Документы и материалы: 1942 год. Т. 16 (5–2). М., 1996; Русский архив: Великая Отечественная. Т. 13 (2–2). Приказы народного комиссара обороны СССР, 22 июня 1941 г. – 1942 г. М., 1997; Русский архив. Великая Отечественная. Т. 13 (2–3). Приказы Народного комиссара обороны. Документы и материалы. 1943–1945 гг. М., 1998; Суровая правда войны. 1941 год на Курской земле в документах архивов. Ч. 1. Сборник документов. Курск, 2002 и др.

[56] Народный подвиг Сталинграда: добровольческие формирования гражданского населения 1941–1945 гг.: документы и материалы. Волгоград, 2007; Из истории Московского народного ополчения. По документам Центрального государственного архива города Москвы. М., 2017; *Каримов В.И.* Они отстояли Москву. По зову сердца, по велению совести. М., 2017; Блокада в решениях руководящих партийных органов Ленинграда. 1941–1944 гг.: Сб. док-тов. Постановления бюро ленинградских горкома и обкома ВКП(б), стенограммы заседаний. Ч. I. Июнь 1941 г. – март 1942 г. СПб., 2019; Наркомат финансов СССР в годы Великой Отечественной войны. 4-я дивизия народного ополчения г. Москвы: боевой путь в документах. 1941–1945. М., 2020 и др.

дарственном архиве историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб. Ф. Р-2281), дающий объемное представление об обстоятельствах формирования армии добровольцев. Московское ополчение такой концентрацией архивных материалов похвастаться не может.

В работе задействован доступный массив личных воспоминаний государственных и политических деятелей[57] и руководящего состава Красной армии[58], а также рядовых добровольцев[59]; материалы СМИ и пропагандистских изданий изучаемого периода[60].

Если оценить объем и качество документальной базы, то, безусловно, период Гражданской войны лучше обеспечен первоисточниками, прежде всего потому, что добровольческий способ комплектования Красной армии был одним из приоритетных на протяжении всей Гражданской войны. Даже когда советская власть перешла к массовым мобилизациям, добровольчество сохраняло свое политическое и военное значение. Оно подлежало учету органами военного управления. Поэтому в архивных фондах военного ведомства отложился достаточно большой пласт разнообразных документов по теме – нормативных организационно-распорядительных, отчетных, учетно-статистических. И это – несмотря на все несовершенство делопроизводства первых лет советской власти. Массив документов распределен по хронологической оси неравномерно, заметно возрастая и по качеству, и по объему к концу Гражданской войны. Кроме документов, хранящихся в РГВА, в советский период большой объем документов, отражающих историю Красной армии в годы Гражданской войны, был опубликован в академических сборниках. Все это позволяет составить достаточно полную картину развития добровольчества в этот период.

В отношении периода Великой Отечественной войны этого не скажешь. В структуре центрального аппарата Наркомата обороны СССР за период войны не имелось органа, ответственного за прием, учет и правовое сопровождение службы добровольцев Красной армии и добровольческих военизированных формирований, если не считать совсем недолго просуществовавшего в составе Главного управления формирования и укомплектования войск Красной армии (Главупраформа КА) «1-го отдела призыва, укомплектования военнообязанными, новобранцами и добровольцами»[61]. Однако какой-либо документации о работе отдела с добровольцами в фонде Главупраформа не выявлено. Тем не менее интересующие нас материалы встречаются в документах различных подразделений обширного фонда Главупраформа и менее обширного (в доступной его части), но также чрезвычайно важного фонда Главного организационно-мобилизационного управления Генерального штаба Красной армии. Однако

---

[57] *Гусев С.И.* Гражданская война и Красная Армия: Сб. военно-теоретических и военно-политических статей (1918–1924). М.; Л., 1925; *Микоян А.И.* Так было. М., 1999*; Каганович Л.М.* Памятные записки рабочего, коммуниста-большевика, профсоюзного, партийного и советско-государственного работника. М., 2003 и др.

[58] Из воспоминаний бывшего командира 2-й гвардейской стрелковой дивизии о боевых действиях дивизии за гор. Курск с 24 октября по 3 ноября 1941 г. Апрель 1953 г. // Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. Вып. 31. М., 1957. С. 162–164; *Шеин А.Ф.* Вербовка добровольцев в Красную армию // Боевое прошлое. Воспоминания. Куйбышев, 1958. С. 29–33; Оборона Ленинграда 1941–1944 гг. Воспоминания и дневники участников. Л., 1968 и др.

[59] Добровольцы. Сб. воспоминаний о боевом пути Уральского добровольческого танкового корпуса. Свердловск, 1965; Добровольцы Урала: Воспоминания, очерки. Свердловск, 1972; *Рунин Б.М.* Записки случайно уцелевшего. М., 2010; Ростокинская дивизия. Воспоминания, письма, биографии. М., 2019; *Гордон А.Е.* Московское ополчение 1941 года глазами участника // Отечественная история. 2001. № 3. С. 158–163; *Шимкевич В.* Судьба московского ополченца. Фронт, окружение, плен. 1941–1945. М., 2008; *Владимиров Ю.В.* Война солдата-зенитчика: от студенческой скамьи до харьковского котла, 1941–1942. М., 2010; *Вахромеев В.* Выжить и вернуться. Одиссея советского военнопленного. 1941–1945. М., 2011; *Зылев Б., Дарков А.* В вяземском окружении. Воспоминания бойцов 6-й дивизии народного ополчения. 1941–1942. М., 2015 и др.

[60] *Кочаков Б., Левин Ш., Предтеченский А.* Великое народное ополчение. М., 1941; Могучее народное ополчение.: Сб. статей. Ростов н/Д., 1941; Героическая Москва.: В 6 вып. М., 1941; Героическое прошлое русского народа. М., 1943; *Кононенко Е.* Девушки героини. М., 1941; *Лищакова О.* Советская женщина в Великой Отечественной войне. М., 1943; *Гельбах П.* Молодежь в дни Отечественной войны. Горький, 1942 и др.

[61] ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2524. Д. 1. Л. 69 об., 97–98.

в целом добровольчество в годы войны оставалось на периферии внимания военного ведомства, не принимавшего его в расчеты строительства вооруженных сил.

С учетом пробела в официальной документации исключительно важное значение для содержательного раскрытия темы имели документы Комиссии по истории Великой Отечественной войны при Академии наук СССР под руководством член-корреспондента, впоследствии академика И.И. Минца (далее – комиссия Минца). В материалах комиссии, созданной первоначально для сбора материалов по истории Московской битвы, но проработавшей затем до конца войны на разных фронтах, отложились сотни дел, отражающих усилия районных комитетов партии, райисполкомов, военкоматов, промышленных предприятий и учреждений по формированию и боевой деятельности дивизий ополчения, истребительных батальонов, отрядов истребителей танков, коммунистических отрядов, казачьих и национальных дивизий – всех тех военных и военизированных формирований, которые в той или иной мере можно отнести к добровольческим. Частично эти материалы опубликованы в различных сборниках документов[62]. Основную массу материалов комиссии Минца можно отнести к категории эго-документов, среди которых наиболее заметную часть занимают изложенные в форме монологов интервью партийных функционеров и советских должностных лиц, командного, политического и рядового состава добровольческих формирований. Кроме того, в фонде комиссии россыпью хранятся разнообразные делопроизводственные документы районного масштаба, относящиеся к ополчению; материалы самих формирований (приказы, списки личного состава, отчеты, статистические материалы); документы предприятий, учреждений и заведений, делегировавших добровольцев в ополчение.

Материалы комиссии академика И.И. Минца ценны не только «живой» памятью об ополчении с минимальной временной аберрацией (подавляющая масса бесед и воспоминаний относится к периоду с начала 1942 по 1947 г.), но и большим количеством однородного свидетельского нарратива (все интервью велись по единому опроснику). Он позволяет сформулировать обобщенный взгляд на различные этапы и элементы процесса формирования дивизий: подбор и запись ополченцев; роль различных инстанций и институтов (партийных, советских, военных, производственных) в формировании добровольческих частей; их организация и боевая подготовка; критерии и механизмы отбраковки и отсева добровольцев и т. д. Материалы интервью подвергались первичной обработке сотрудниками комиссии, сводившими стенограмму беседы к монологу интервьюируемого лица. В таком виде они и отложились в фондах Научного архива ИРИ РАН. Следов цензуры текстов не заметно, однако безусловно чувствуется самоцензура участников бесед. Работа историков комиссии Минца охватила различные участки фронта и разные периоды войны неравномерно. Московская битва и московские военизированные формирования отражены в фондах комиссии Минца наиболее полно, поскольку комиссия первоначально была создана именно для освещения этой битвы. Также в книге использованы материалы комиссии о боях за Сталинград, Ленинград и другие города.

Миссию коллектива историков под руководством академика Минца по сбережению индивидуальной памяти о войне в настоящее время продолжают информационные ресурсы в сети Интернет, аккумулирующие воспоминания ветеранов. Среди наиболее значимых проектов, материалы которых привлекались при написании этой книги, следует отметить портал фонда «Я помню», содержащий многотысячный массив интервью с ветеранами, взятых в последние десятилетия[63]. К сожалению, в последние годы этот поток почти иссяк. Среди ветеранов встречаются особенно интересовавшие меня добровольцы и ополченцы. Несмотря на большой временной промежуток, стерший из памяти многие детали, воспоминания ветеранов

[62] Москва военная. 1941–1945: Мемуары и архивные документы. М., 1995; Москва прифронтовая. 1941–1942: Архивные документы и материалы. М., 2001; Наркомат финансов СССР в годы Великой Отечественной войны. 4-я дивизия народного ополчения г. Москвы; Из истории Московского народного ополчения и др.

[63] URL: https://iremember.ru/memoirs/?ysclid=lxom7fkdwu934304110/ (дата обращения: 21.06.2024).

представляют огромный интерес. Интервьюер наводящими вопросами помогал ветеранам. В итоге выходили весьма откровенные беседы, чего не могли себе позволить бойцы и командиры, интервьюируемые сотрудниками комиссии Минца.

Обзор литературы и источников показал, что существенный аспект отечественной военной истории остается недостаточно изученным. Эти обстоятельства определяют научную актуальность и востребованность темы данной монографии.

Приношу слова искренней благодарности рецензентам: генерал-майору в отставке Владимиру Ивановичу Каримову – за неизменный интерес к моим изысканиям и крайне важные советы военного профессионала-генштабиста; видным специалистам в области изучения советских институтов власти доктору исторических наук, профессору Виктору Николаевичу Данилову и доктору исторических наук Федору Леонидовичу Синицыну – за ценные замечания к рукописи книги; хранителю сокровищ комиссии академика И.И. Минца в Научном архиве Института российской истории РАН Константину Сергеевичу Дроздову – за полный доступ к необходимым документам и важную методическую помощь; сотрудникам издательства «Центрполиграф» Юрию Геннадиевичу Клименко, Максиму Сергеевичу Исакову и Евгению Сергеевичу Родионову – за терпение и высокий профессионализм.

Часть первая
Гражданская война и межвоенный период

От рабочей гвардии к регулярной армии

Комплектование Красной армии рядовым и младшим командным (начальствующим) составом в период Гражданской войны в России осуществлялось в ситуации, когда сама армия молодой Советской республики только создавалась. Заново строились центральные и местные органы военного управления, отвечавшие за учет людских ресурсов и комплектование вооруженных сил; формировалась соответствующая нормативная база. Отсутствие в первое время законодательства, регулировавшего военную службу граждан, налаженных институтов учета и комплектования войск, а также неразвитость и слабость органов власти на местах определили то обстоятельство, что первоначально комплектование армии могло осуществляться только на добровольных началах. Первый этап строительства РККА (до июня 1918 г.) – единственный период в истории отечественных вооруженных сил, когда они комплектовались только добровольцами. В дальнейшем добровольчество не исчезло, выполняя вспомогательную роль по отношению к обязательной военной службе. Добровольчество периода Гражданской войны в России – крайне интересный опыт комплектования армии, который заслуживает научного анализа.

Большевистская революция, свершившаяся в России в октябре 1917 г., разрушила вековые устои российской государственности и отразилась на деятельности всех общественных институтов. Она повлияла на принципы и формы строительства вооруженных сил, в том числе и на один из главных элементов этого процесса – комплектование вооруженных сил личным составом. Вопрос о добровольном комплектовании был одним из краеугольных камней идеологии строительства армии нового типа.

Еще задолго до Октябрьской революции левые лидеры ясно отдавали себе отчет в том, что планируемое ими пролетарское государство придется защищать с оружием в руках. Они руководствовались марксистским положением о замене постоянной армии вооруженным народом, включенным в программу РСДРП, принятой II съездом партии в 1903 г.[64], а до этого впервые сформулированным в программном «Манифесте Коммунистической партии» (1848). В.И. Ленин считал межклассовую гражданскую войну неизбежной стадией общественного развития между капиталистическим общественно-экономическим строем и социалистическим: «Мы вполне признаем законность, прогрессивность и необходимость гражданских войн, – писал он в работе «Социализм и война» (1915). – То есть, войн угнетенного класса против угнетающего, рабов против рабовладельцев, крепостных крестьян против помещиков, наемных рабочих против буржуазии»[65].

Основанная на угнетении, старая армия должна была быть революционизирована, то есть перестроена на новых началах, или же вовсе создана заново. В любом случае нужно было привести ее в соответствие с определенным принципами. Ни Ленин, ни его соратники, происходившие либо из пролетарской, либо из разночинно-интеллигентской среды, не обладали практическими навыками в военном деле и уж тем более – не имели твердых представлений о путях военного строительства. Однако они обозначили четкие идеологические рамки для революционной армии.

---

[64] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Ч. 1. М., 1954. С. 41.

[65] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Изд. 5. М., 1958–1966. Т. 26. С. 311.

Ленин исходил в своих взглядах на армию нового типа прежде всего из политических задач своей партии. Еще в 1905 г. он определял облик революционной армии следующим образом: она должна представлять собой военную силу революционного народа (но не народа вообще), которая состоит из: 1) вооруженного пролетариата и крестьянства;

2) организованных передовых отрядов и боевых дружин из представителей рабочих и революционного крестьянства; 3) граждан, готовых перейти на сторону народа из частей старой армии и флота. «Взятое все вместе и составляет революционную армию», – заключал Ленин[66].

Придя к власти, большевики на практике испробовали все три намеченных Лениным подхода к строительству революционной армии (соответственно, они воплотились в Красной гвардии, Красной армии и в попытке «переформатировать» старую армию), но остановились в конце концов на первом из них.

Способ комплектования войск людьми имел важнейшее значение при определении путей строительства новой революционной армии, поскольку уставшее от изнурительной войны, социальных и экономических неурядиц российское население не хотело больше воевать. Требование немедленного выхода России из войны стало одним из главных лозунгов, позволивших большевикам захватить власть.

В таких условиях расчет можно было строить только на граждан, *сознательно* и *добровольно* берущих в руки оружие для защиты революции. Именно эти принципы закладывались в организацию Красной гвардии – вооруженных отрядов большевистской партии, комплектовавшихся политически мотивированными добровольцами-большевиками и им сочувствовавшими гражданами. Красная гвардия развивалась параллельно с попытками реорганизовать старую армию. Красногвардейские отряды стали формироваться по инициативе большевистских ячеек в рабочей среде российских городов вскоре после Февральской революции 1917 г. В дооктябрьский период в ряды красногвардейских отрядов принимались добровольцы с обязательной рекомендацией партийных, профсоюзных организаций, фабрично-заводских комитетов[67].

После Октябрьской революции красногвардейцы как боевой отряд промышленного пролетариата представлялись большевикам более ценной военной силой, чем солдатская масса, и в военном отношении, и, что главное, в политическом. Тем более что на выборах в Учредительное собрание, состоявшихся 12 (25) ноября 1917 г., далеко не на всех фронтах большевики одержали победу, проиграв другим социалистическим партиям. «Учтите, пожалуйста, что солдаты солдатами, но больше всего мы в своей борьбе должны рассчитывать на рабочих», – говорил В.И. Ленин в беседе с одним из организаторов Красной гвардии Н.И. Подвойским.

Оценки численности Красной гвардии, которые делали советские историки, существенно расходятся – от нескольких десятков тысяч человек до 182,5 тыс. человек[68]. И причина здесь не в недобросовестности историков, а в самой сущности добровольного типа комплектования, располагавшего к текучести кадров, непостоянству состава отрядов. Только в столицах Красная гвардия была достаточно организована и имела объединяющие штабы. В Петрограде насчитывалось приблизительно 10–12 тыс. человек, которые были вооружены и сведены в отряды, в Москве – 3–4 тыс. человек[69].

Однако в полноценную армию Красная гвардия не выросла. Красногвардейские отряды были органично связаны с заводами и фабриками, которые делегировали своих рабочих. Рабочие не оставляли своих рабочих мест у станка, а лишь на время занимали свое место в строю Красной гвардии. Это обстоятельство накрепко привязывало отряды к предприятиям и город-

---

[66] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 11. С. 366.

[67] Гражданская война: Материалы по истории Красной армии. Т. 1. М., 1923. С. 9—12.

[68] *Конев А.М.* Красная гвардия на защите Октября. М., 1989. С. 4.

[69] *Антонов-Овсеенко В.А.* Строительство Красной армии в революции. М., 1923. С. 7.

ским районам. Этому же способствовало отсутствие у них тыловых служб. В малых городах и в сельской местности, где красногвардейские отряды тоже создавались, они привязывались не столько к предприятиям, сколько к месту жительства бойцов, представляя собой вооруженный народ (милицию). Элемент военной организации, дисциплины и военного профессионализма был вторичен. Красногвардейские отряды сложно было объединить, централизованно пополнять, переформировывать, управлять ими в бою, маневрировать ими и проч., то есть распоряжаться как единым военным организмом, решая общие задачи оперативно-стратегического масштаба. Отдельные случаи маневра красногвардейскими отрядами, их переброски на удаленные от мест формирования фронты известны (бои петроградской гвардии в Финляндии, против Каледина на Дону, бои с немцами под Нарвой и Псковом и т. д.), однако в целом это были скорее исключения. Участвуя в основном в поддержании правопорядка в родном городе или уезде, красногвардейцы не готовы были к участию в активных боевых действиях, тем более за пределами места проживания. Добровольность участия предоставляла им возможность покинуть отряд. В этом отношении красногвардейское движение в какой-то степени родственно партизанскому, тоже чрезвычайно привязанному к малой родине.

Важно отметить и то, что в отсутствие сил правопорядка, многочисленные заботы по поддержанию общественной безопасности (несение караульной службы, патрулирование, охрана промышленных объектов, производство обысков и многое другое) ложились на плечи красногвардейцев. В этом смысле Красная гвардия эволюционировала не в сторону армии, а в сторону местной милиции. Партизанщина и милиционность, таким образом, стали основными тенденциями развития Красной гвардии.

Хотя Красная гвардия в первый период становления советской власти в России стала важнейшей ее опорой, ясное осознание того, что для защиты Советского государства нужна постоянная армия, организуемая на единых началах, пришло большевистскому руководству уже в декабре 1917 г. Эта идея была выдвинута 23 декабря 1917 г. (5 января 1918 г.) на экстренном заседании представителей Наркомвоена, Всероссийского бюро фронтовых и тыловых организаций при ЦК РСДРП(б) и Главного штаба Красной гвардии[70]. На заседании председательствовал наркомвоен Н.И. Подвойский, секретарем был член Военной организации при ЦК РСДРП(б) Ф.П. Никонов.

Бессменный руководитель Военной организации при ЦК РСДРП(б), так называемой «военки», Н.И. Подвойский и его соратники по «военке» (В.И. Невский, К.А. Мехоношин, М.С. Кедров, П.Е. Дыбенко, Н.В. Крыленко и др.) в этот период в значительной мере формулировали облик будущей армии, являлись идейными его вдохновителями. Придерживаясь крайне левых взглядов и веря в близость и неизбежность мировой революции, они были склонны к переоценке революционного порыва масс и упрощенному взгляду на военное строительство как на «всеобщее вооружение народа» с выборным командованием и добровольной дисциплиной.

Первоначально, в первые недели после Октябрьской революции большевики вполне допускали перестройку и революционизацию старой армии. Казалось, что ее штыки лишь требовалось развернуть против российских и иностранных капиталистов. Это сделало бы революционную Россию «во много раз более сильной и в военном отношении»[71]. Одной из главных опор такой перестройки армии виделся добровольный принцип комплектования армии. 18 (31) декабря 1917 г. резолюция Совнаркома РСФСР предусматривала принятие «усиленных мер по реорганизации армии при сокращении ее состава и усилении обороноспособности»[72]. 22 декабря 1917 г. (3 января 1918 г.) на коллегии Наркомвоена предлагалось «произвести набор

---

[70] Протокол заседания см.: РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 68. Л. 80–81.

[71] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 233.

[72] История Коммунистической партии Советского Союза. М., 1968. Т. 3. Кн. 2. С. 100.

добровольцев из Красной гвардии численностью до 300 000 [человек] и двинуть их на фронт как цемент для разлагающихся частей, перемешав их предварительно с добровольцами-солдатами и матросами»[73]. 26 декабря 1917 г. (7 января 1918 г.) вопрос о создании «социалистической армии» обсуждался на собрании Военной организации при ЦК РСДРП(б). Выступивший на собрании наркомвоен Н.И. Подвойский был настроен очень оптимистично, вновь высказав мысль, что всего «за полтора месяца можно создать 300 000 штыков социалистической армии, которые послужат… цементом и скелетом для новой армии»[74].

Достаточно длительное время идея «перемешивания» остатков старой армии с добровольцами казалась многим большевистским руководителям панацеей, единственно возможным решением в той критической ситуации. Комплектование новой армии также мыслилось очень упрощенно: считалось, что для развертывания добровольной записи в Красную армию достаточно будет организовать в полках и на заводах большевистские ячейки там, где их еще не было, и усилить пропаганду «до самых низов»[75].

Определяя в этот первый период социальную базу новой армии, большевистское руководство рассчитывало на две наиболее революционизированные социальные группы – солдатские массы и пролетариат. На пролетариат оно возлагало главные надежды, считая его «лучшим материалом для комплектования армии», ибо промышленные рабочие, закалившись в классовой борьбе на предприятии и полностью осознав свои классовые интересы, по убеждению наркомвоена Н.И. Подвойского, «более организованны, сознательны и в настоящее время представляют кадры безработных»[76]. Последнее обстоятельство (остановка промышленности и вызванная этим безработица) стало важным социальным фактором, подпитывавшим добровольчество не только в промышленных центрах, но и в провинции, куда из городов, спасаясь от голода, возвращались рабочие. Установлено, что только из Петрограда в родные деревни убыло около 300 тыс. рабочих[77]. Подвойский в целом правильно оценил масштаб безработицы, когда, в начале января 1918 г., накануне принятия декрета о создании Красной армии на совещании фронтовых делегатов III съезда Советов рассчитывал на 125 тыс. безработных, «которые выкинуты за борт в Петрограде… и в Москве то же самое»[78].

Другим источником пополнения социалистической армии добровольцами могла стать солдатская масса старой армии. Солдаты переходили на сторону большевиков как индивидуально, так и группами и даже целыми частями и соединениями. Например, 39-я пехотная дивизия Кавказского фронта, 81-я пехотная дивизия Северного фронта и ряд других частей и соединений приняли советскую власть[79]. Это происходило и на фронте, и в тылу. Однако революционный энтузиазм солдатской массы нельзя переоценивать. Господствующим ее настроением было демобилизационное. Солдаты разъезжались по домам, оставаясь в массе своей равнодушными к происходящим революционным событиям. На миллионных по численности фронтах количество записавшихся в большевистскую армию ограничивалось тысячами человек[80].

Идеологически перед большевистским руководством стояла сложнейшая дилемма: как отстоять свою власть и построить новую армию и флот, если общепринятые принципы строи-

---

[73] РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1125. Л. 4.

[74] Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 68. Л. 3.

[75] РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 68. Л. 3.

[76] Из выступлений наркомвоена Н.И. Подвойского и члена Высшей военной инспекции В.Ф. Горина-Галкина: РГВА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 110. Л. 266–267; *Мовчин Н.Н.* Указ. соч. С. 25.

[77] *Струмилин С.Г.* Статистика и экономика. М., 1979. С. 288.

[78] ЦАМО РФ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 6. Л. 114.

[79] *Молодцыгин М.А.* Указ. соч. С. 16.

[80] Например, на Северном фронте к 1 апреля записалось добровольцами 24 тыс. человек, на Западном – 15 тыс. человек (РГВА. Ф. 11. Оп. 8. Д. 164. Л. 44).

тельства вооруженных сил на основе правильной организации и обязательной военной службы принципиально отвергнуты? Революционная марксистская доктрина, помноженная на полное отсутствие у большевиков опыта государственного и военного строительства, порождали необоснованные и упрощенные представления о порядке формирования, комплектования и боевого применения вооруженных сил. В значительной мере она опиралась на эксперименты в области организационной структуры Красной гвардии. На это в конце января 1918 г. прямо указывал в своем докладе в СНК Верховный главнокомандующий Н.В. Крыленко: в первых столкновениях Гражданской войны, а также на «внешнем фронте» в ноябре – декабре 1917 г. именно красногвардейские отряды проявили себя наиболее боеспособными[81].

Поэтому неудивительно, что первоначальный проект Красной армии в целом следовал красногвардейскому опыту. Создание новой армии – «революционно-стойкой, последовательной в борьбе, лишениях и в своем идеализме»[82] – мыслилось на началах классового подхода и добровольности. Старый большевик С.И. Гусев (Драбкин), один из тех, кто стоял у самых истоков формирования частей Красной армии в Петрограде, в апреле 1918 года писал, что отныне «между армией и народом нет границы… армия и народ совпадают… Советская армия представляет собой вооруженный рабоче-крестьянский народ»[83]. «Местный военный отряд» волости, уезда, завода и фабрики и образует собой первичную военную организацию по типу первичных партийных ячеек. Преимущество такого отряда, по мнению Гусева, в том, что здесь «каждый солдат известен со всех сторон. Изучен с детства его товарищами „до последней косточки“, и отряд сумеет каждого солдата поставить на свое место и наилучшим образом использовать его способности»[84]. Из этих отрядов, по мнению Гусева, складывается армия нового типа, в целом являющаяся синкретичным военным, социальным и политическим организмом. Сознательное добровольное подчинение и дисциплина, выборность командиров дают «крепчайший цемент товарищеской внутренней спайки»[85]. Гусев подчеркивал сознательность и добровольность дисциплины, организации, исполнения приказов и, конечно, самого комплектования армии: «Никакими приказами сверху… никакими самыми строгими предписаниями не собрать ни единого советского отряда», – убежден он[86].

Таким образом, идеологически во главе угла стоял расчет большевиков на проявление классовой сознательности трудящихся, их добровольного желания взять в руки оружие для защиты революции. «Хочешь, добровольно возьми на себя обязанности, добровольно согласись подчиниться известному разумному порядку… Не понравилось тебе – через полгода можешь уволиться», – зазывали агитаторы[87].

---

[81] РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 466. Л. 68 об.

[82] Там же. Л. 68.

[83] *Гусев С.И.* Гражданская война и Красная Армия: Сб. военно-теоретических и военно-политических статей (1918–1924). М.; Л., 1925. С. 7.

[84] Там же. С. 10.

[85] Там же. С. 8.

[86] Там же. С. 11.

[87] *Ярославский Ем.* Новая армия. М., 1918. С. 8—15.

Добрестский период добровольческой Красной армии – «романтический»

Принципиальное решение о формировании социалистической армии было принято на Общеармейском съезде по демобилизации армии, работавшем в декабре 1917 г. – январе 1918 г., на котором присутствовали 234 делегата (в том числе: 119 большевиков и 45 левых эсеров). В принятом 28 декабря 1917 г. (10 января 1918 г.) постановлении съезда говорилось: «Немедленно приступить к организации корпусов социалистических армий», причем «кадры их должны составиться из: а) солдат старой армии, б) запасных частей и в) всех добровольцев, желающих вступить в ее ряды»[88]. Спустя два дня, 30 декабря 1917 г. (12 января 1918 г.), положения постановления съезда по демобилизации были развиты в записке главкома Н.В. Крыленко «Общие соображения по сформированию армии на началах добровольчества»[89], разосланной в действующие войска в форме директивы. К «соображениям» в качестве приложения прилагалась «Инструкция по формированию революционных батальонов Народно-социалистической гвардии в районе дивизионных резервов и в частях, расположенных в прифронтовой полосе»[90]. Во всех трех перечисленных документах выделялся добровольческий принцип комплектования новой армии. Основной целью реформы предполагалась постепенная замена демобилизуемых (так называемых «регулярных») частей на добровольческие, создаваемые или здесь же, на фронте, путем перегруппировок солдат в уже существующих частях («для вкрапления в существующие войсковые соединения»), или же в тылу – путем новых формирований. Добровольцами должны были комплектоваться только боевые части, вспомогательные же и тыловые войска, по крайней мере на первое время, оставались в неизменном виде. Таким образом, большевики рассчитывали на эволюционный процесс перехода старой призывной армии в новую добровольческую и хотели сохранить линию фронта хотя бы для поддержания оборонительных действий.

Успех этого проекта полностью зависел от потока добровольцев, хотя Н.В. Крыленко вынужден был оговориться, что «предрешать количество имеющих формироваться добровольческих сил не приходится ввиду гадательности в данных условиях этих предположений»[91].

Во исполнение решения советской власти организационно-мобилизационный орган старой армии – Главное управление Генерального штаба (ГУГШ) – уже к 3 (16) января 1918 г. разработал и представил проект ближайших практических мер по реорганизации армии и усилению флота. Проект предусматривал оставление на фронте 100 пехотных дивизий, пополненных до штатов военного времени; вывод в глубокий тыл ненужных для борьбы в ближайшее время частей и тыловых учреждений; подготовку армейской базы в Московском или Казанском военном округе, где надлежало сосредоточить соответствующие интендантские, артиллерийские, инженерные, санитарные и прочие склады, мастерские и заведения. Одновременно ГУГШ предлагал приступить к формированию на материальной и организационной основе старой армии сразу 36 дивизий милиционного типа из солдат-добровольцев численностью по 10 тыс. человек каждая[92].

Однако с каждой неделей и даже с каждым днем становилось все очевиднее, что перестройка и реорганизация старой армии невозможна. Она таяла на глазах. Издававшиеся в эти дни декреты советской власти, касавшиеся армии и флота («О выборном начале и об органи-

---

[88] Октябрьская революция и армия. 25 октября 1917 г. – март 1918 г.: Сб. док-тов. М., 1973. С. 314–315.

[89] Там же. С. 323–326.

[90] Там же. С. 326–328.

[91] Октябрьская революция и армия. С. 325.

[92] *Кляцкин С.М.* Указ. соч. С. 79.

зации власти в армии» от 16 (29) декабря 1917 г.; «Об уравнении в правах всех военнослужащих» от 16 (29) декабря 1917 г.; «О демократизации флота» от 12 (25) января 1918 г.), а также решения о демобилизации нескольких возрастов военнослужащих[93] лишь ускорили ее распад, хотя и они не преследовали такой цели. «Приказы в значительной степени только оформляли стихийный ход мобилизации на местах», – отмечал современник[94]. Состояние армии очень красноречиво можно проиллюстрировать одним из донесений Верховного главнокомандующего М.Д. Бонч-Бруевича в Совет Народных Комиссаров, датированным 4 (17) января 1918 г.: «Воинский порядок перестал существовать, приказания не исполняются, позиции занимаются кое-как, а местами самовольно оставляются, множество дезертиров, отпускные большей частью не возвращаются. Некоторые комитеты на Западном фронте и в Особой армии постановили уволить со службы всех солдат до призыва 1912 г. включительно. Остановить это увольнение невозможно. Штабы и хозяйственные учреждения далее существовать не могут во многих частях, так как никто не желает работать…»[95] Как «катастрофу» оценивал ситуацию главком Н.В. Крыленко: «Изголодавшиеся массы бегут… Армия оказывается неспособной больше даже стоять на позиции. Фронта фактически нет»[96].

Эти обстоятельства сыграли свою роль в корректировке курса на строительство новой армии. 3 (16) января 1918 г. на заседании ВЦИК была принята «Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа», гласившая, в частности: «В интересах обеспечения всей полноты власти за трудящимися массами устранения всякой возможности восстановления власти эксплуататоров декретируется вооружение трудящихся, образование социалистической Красной армии рабочих и крестьян и полное разоружение имущих классов»[97]. Декларация послужила юридической основой создания новой армии. 15 (28) января 1918 г. Советом Народных Комиссаров был принят декрет «Об организации Рабоче-крестьянской Красной армии», в основу которого легли решения, принятые в конце 1917 г. – начале 1918 г. Приведем основное содержание этого важнейшего документа:

«1) Рабоче-крестьянская Красная армия создается из наиболее сознательных и организованных элементов трудящихся масс.

2) Доступ в ее ряды открыт для всех граждан Российской Республики не моложе 18 лет. В Красную армию поступает каждый, кто готов отдать свои силы, свою жизнь для защиты завоеваний Октябрьской революции, власти Советов и социализма. Для вступления в ряды Красной армии необходимы рекомендации: войсковых комитетов или общественных демократических организаций, стоящих на платформе Советской власти, партийных или профессиональных организаций или, по крайней мере, двух членов этих организаций. При вступлении целыми частями требуется круговая порука всех и поименное голосование»[98].

Декрет был связан с предшествовавшими декрету документами (постановления съезда по демобилизации, записки и инструкции Крыленко) содержательно и даже текстуально и готовился теми же людьми (прежде всего Н.И. Подбельским, Н.В. Крыленко, К.А. Мехоношиным, В.А. Трифоновым, К.К. Юреневым). Однако принципиально иной была политическая ситуа-

---

[93] 10 ноября 1917 г. (все даты приведены по старому стилю) декретом СНК «в бессрочный запас» увольнялись граждане призыва 1899 г.; 5 декабря 1917 г. – призыва 1900–1901 гг.; с 5 января уволен призыв 1902 г.; 12 января – 1903 г.; 20 января – призыв 1904–1905 гг.; 25 января – призыв 1906–1907 гг.; 1 февраля – призыв 1908 г.; 5 февраля – призыв 1909 г. До 16 февраля были уволены граждане призыва 1910–1912 гг. Дальнейшие увольнения солдат призывов 1913–1917 гг. осуществлялись в марте – апреле 1918 г. На деле демобилизация протекала значительно быстрее и, по свидетельству главкома Крыленко, вместо последовательного увольнения возрастов, «постановлениями отдельных комитетов демобилизуются в отдельных корпусах все года по 1919 год включительно…» (РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 466. Л. 67–67 об.; *Молодцыгин М.А.* Указ. соч. С. 35).

[94] *Мовчин Н.Н.* Указ. соч. С. 16.

[95] Октябрьская революция и армия. С. 351.

[96] РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 466. Л. 67 об.

[97] Декреты Советской власти. Т. 1. С. 322.

[98] Декреты Советской власти. Т. 1. С. 356–357.

ция: к середине января 1918 г. советское правительство отказалось от идеи переформировать старую армию на добровольческих началах, поскольку стало очевидно, что ее уже не удастся спасти. Некоторое время спустя, на VII съезде партии (6–8 марта 1918 г.), В.И. Ленин резюмировал: «Армии нет, удержать ее невозможно. Лучшее, что можно сделать, – это как можно скорее демобилизовать ее»[99].

Что касается добровольческого принципа комплектования новой армии, то здесь важно подчеркнуть одну деталь. Если раньше провозглашалось формирование армии социалистического типа «исключительно на основе добровольческого принципа»[100], то в декрете «Об организации Рабоче-крестьянской Красной армии» слово «добровольчество» не упоминалось вовсе, хотя по смыслу именно оно и имелось в виду. Доподлинно известно, что формулировку декрета: «Рабоче-крестьянская Красная армия создается без принуждения и насилия: *она составляется только из добровольцев* (курсив мой. – *Авт.*)» правил В.И. Ленин, собственноручно вычеркнув выделенные курсивом слова во время обсуждения на заседании СНК 15 (28) января 1918 г. Фотокопия чернового варианта декрета с правкой Ленина была опубликована еще в первую годовщину Красной армии, в январе 1919 г.[101] Вместо этого он вписал близкую по смыслу, но в классовом отношении более однозначную формулу: «Рабоче-крестьянская Красная армия создается из наиболее сознательных и организованных элементов трудящихся масс». В литературе высказывалось мнение о том, что уже тогда Ленин предвидел скорую отмену добровольческого принципа комплектования[102]. Однако скорее можно согласиться с участником этого заседания Л.М. Кагановичем, вспоминавшим, что Ленин потребовал заострить именно классовый характер Красной армии, заявив: «Что же вы думаете, что это (добровольчество. – *Авт.*) уже гарантирует надежность армии? Ведь добровольцы разные бывают, а в настоящий острый момент важен классовый характер создаваемой армии»[103]. Так или иначе, смысл положения декрета о добровольном комплектовании РККА не изменился.

Одновременно с созданием РККА отдельным декретом СНК была образована Всероссийская коллегия по организации и управлению Рабоче-крестьянской Красной армии при Народном комиссариате по военным делам. На нее возлагалось «направление и согласование деятельности местных, областных и краевых организаций по формированию армии, учет вновь формируемых боевых единиц, руководство формированием и обучением, обеспечение новой армии вооружением и снабжением»[104]. В качестве рабочего аппарата при Коллегии организовывались отделы: организационно-агитационный, формирования и обучения, мобилизационный, вооружения, снабжения, транспортный, санитарный и финансовый. Первоначально Коллегия состояла из двух представителей Наркомата по военным делам и двух представителей Главного штаба Красной гвардии. Декретом СНК от 21 января (3 февраля) 1918 г. для руководства работой коллегии была создана пятерка: от Наркомата по военным делам – Л.Д. Троцкий, К.А. Мехоношин, Н.В. Крыленко; от Главного штаба Красной гвардии – В.А. Трифонов, К.К. Юренев.

Представительство руководителей Красной гвардии во Всероссийской коллегии свидетельствовало о сохранявшимся политическом авторитете этой военной организации большевистской партии и тесной генетической связи ее с рождавшейся «революционно-социалистической армией». Главный штаб Красной гвардии и 14 петроградских районных штабов составили управленческое ядро новой армии. Специальное постановление об этом Главный штаб принял

---

[99] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 27. С. 74.

[100] Октябрьская революция и армия. С. 326.

[101] РГВА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 110. Л. 5.

[102] *Фрайман А.Л.* Ленинский декрет об организации Красной армии (Из истории издания и публикации) // Исследования по отечественному источниковедению: Сб. ст., посв. 75-летию профессора С.Н. Валка. М.; Л., 1964. С. 106.

[103] *Каганович Л.М.* Указ. соч. С. 184.

[104] Собрание узаконений и распоряжений… С. 272.

30 декабря 1917 г. (12 января 1918 г.)[105]. В целом петроградский Главный штаб и районные штабы Красной гвардии продолжали полноценно функционировать по крайней мере до переезда советского правительства и военного ведомства в Москву в марте 1918 г.

29 января (11 февраля) 1918 г. декретом СНК был создан Рабоче-крестьянский Красный флот, а 22 февраля – Народный комиссариат по морским делам. Поскольку Красный военно-морской флот создавался на единых с Красной армией организационных основаниях, то комплектование личным составом здесь также осуществлялось на добровольных началах. Принципы и условия комплектования регулировались декретом СНК «О Социалистическом рабоче-крестьянском красном флоте», изданном 14 февраля 1918 г.[106]

С первых дней своего существования РККА и РККФ строились в условиях разгоравшегося гражданского противостояния в стране и иностранной интервенции. Советскому государству пришлось одновременно воевать на многих фронтах. В этих условиях процесс комплектования Вооруженных сил был чрезвычайно сложной задачей.

Изменения нормативно-правовой базы[107] комплектования Красной армии личным составом, в том числе на добровольной основе, происходили в тесной связи и в зависимости от развития военно-политической обстановки в Советской России. Поэтому рассматривать эти изменения необходимо в конкретном историческом контексте событий и процессов периода Гражданской войны и иностранной интервенции в 1918–1922 гг. Также следует принять во внимание неразвитость и синкретизм советских органов власти в первые годы их существования, в силу чего субъектами нормотворчества выступали не только представительные органы власти (Всероссийский съезд Советов, Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет), но и различные органы исполнительной власти (Совет Народных Комиссаров, наркоматы и др.), органы Коммунистической партии (съезды, ЦК РСДРП(б)/РКП(б), Бюро (Политбюро) ЦК РСДРП(б)/ РКП(б)), издававшие имевшие силу закона постановления и резолюции.

Поскольку система органов советской власти лишь начинала строиться, то местных органов военного управления, способных вести военный учет населения и осуществлять призывы в Красную армию, еще не существовало. В первые месяцы после Октябрьской революции обязанность комплектования армии добровольцами была возложена на гражданскую власть – волостные, уездные и губернские Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, а в армии – на фронтовые, армейские и дивизионные комитеты, для чего в них создавались штабы Красной армии. Согласно процедуре, разъяснявшейся в изданной в начале 1918 г. «Инструкцией для руководства Советам и Комитетам на местах для создания управления Красной армии», Советы создавали военные отделы (в армии – штабы Красной армии), куда входили представители самих Советов, Красной гвардии (где они имелись) и представители комитетов.

Военные отделы и штабы Красной армии занимались всей практической работой, связанной с вербовкой добровольцев, направляя записавшихся в «депо секции по формированию и обучению». Ключевая роль в вербовке отводилась организационно-агитационной секции, которая осуществляла прием, размещение, а также культурно-просветительское и агитационное обслуживание добровольцев. Кроме того, в составе военных отделов (штабов) формировались секции учета, вооружения, транспорта, выполнявшие свои отраслевые задачи[108].

---

[105] РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 68. Л. 8–9.

[106] Собрание узаконений и распоряжений… С. 331–335.

[107] Применительно к периоду Гражданской войны в России силу закона имели постановления съездов Советов и Высшего Центрального исполнительного комитета, декреты Совета Народных Комиссаров, постановления и резолюции съездов РСДРП(б) – РКП(б) и их высших органов. Под подзаконным актом понимается нормативный акт, издаваемый в соответствии с законом компетентным органом (в данном случае – Наркоматом по военным делам, его центральными управлениями, Революционным военным советом республики), направленный на исполнение и развитие законодательных положений и регулирующий отдельные конкретные аспекты общественных отношений (положения, инструкции, руководства, формы и т. д.).

[108] РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 466. Л. 40.

Функцию фильтра выполняли прописанное законом поручительство за кандидатов и круговая порука (при коллективной записи). Они должны были обеспечить отбор наиболее убежденных и сознательных представителей трудового народа. На практике такое поручительство могло выглядеть следующим образом: «Удостоверение. Сим удостоверяется в том, что тов. Иван Вахромов работает на авиационном заводе „Ф. Мельцер“. Коллектив с.-д. большевиков данного завода рекомендует тов. Вахромова как идейного товарища. Председатель Г. Кабанов. Секретарь С. Чистов»[109].

Это, разумеется, не исключало проникновение в Красную армию лиц, именовавшихся «шкурниками». Не случайно в среде противников большевиков повсеместным было мнение о том, что «по собственному желанию в советские войска вступает только темное, отсталое босячество, люди, которым нечего терять, которые идут ради денег и пайка…»[110].

Действительно, бойцы РККА состояли на полном государственном довольствии (вещевое и пищевое довольствие) и получали небольшое денежное вознаграждение в размере 50 рублей в месяц, а их семьи обещано было взять на полное государственное обеспечение. Так, согласно тексту «Инструкции организаторам-агитаторам по организации Рабоче-крестьянской Красной армии», выработанной агитационно-организационным отделом Всероссийской коллегии по организации и управлению Красной армией[111] и изданной вскоре после декрета СНК от 15 (28) января 1918 г., семьям красноармейцев было обещано «натурой» для городских жителей: «квартира с отоплением и освещением, одежда, обувь, хлеб, жиры, крупа, соль, приварок, сахар и чай по местным потребительным нормам», а для сельских жителей вместо натуральных продуктов «выдаются металлические изделия, необходимые для хозяйства, мануфактура и обувь». Кроме того, семьям полагалась бесплатная медико-санитарная помощь[112]. Сам декрет СНК и разработанный на его основе «Табель окладов в Рабоче-крестьянской Красной армии», введенный в действие приказом Всероссийской коллегии от 16 февраля 1918 г.[113], описывали социальные обязательства государства перед красноармейцами и их семьями гораздо более лаконично и неопределенно («семьи добровольцев… одинаково удовлетворяются всем необходимым за счет государственной казны»[114]), однако в пропаганде допускались серьезные отклонения от текста декрета. Для многих граждан в те голодные годы это было решающим стимулом для записи в армию.

Спасение от голода как мотив вступления в Красную армию очень часто подчеркивается в донесениях и докладах о формировании красноармейских частей. Так, в одном из донесений отмечалось, что «в волонтеры поступали только голодающие и самая беднота…»[115]. В другом документе сообщалось, что часть добровольцев вступала в Красную армию «на почве голода и безработицы, какие царили в Риге после ухода немцев»[116]. Из Минской губернии в феврале 1918 г. докладывали, что «солдаты записываются в Красную армию охотно, преследуя в большинстве материальные выгоды»[117]. И таких свидетельств немало. Очевидно, что, вступая в Красную армию вынужденно, такие лица не обладали высокими моральными качествами, не проявляли стойкости в боевой обстановке и часто становились нарушителями воинской дисциплины.

---

[109] Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 63. Л. 11–12.

[110] Там же. Ф. 10. Оп. 2. Д. 483. Л. 7.

[111] *Каганович Л.М.* Указ. соч. С. 189.

[112] РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 68. Л. 61.

[113] Там же. Д. 366. Л. 14.

[114] Там же.

[115] Там же. Л. 68.

[116] Там же. Ф. 10. Оп. 1. Д. 1565. Л. 70.

[117] Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 66. Л. 3.

Таким образом, в практике Гражданской войны в России добровольное вступление в РККА чаще всего диктовалось двумя крайними жизненными и политическими позициями: доброволец мог быть идейным революционером или, по крайней мере, патриотом своей родины, этноса и в Красной армии видел надежду на их спасение и защиту. Либо же он, напротив, являлся прагматичным, расчетливым или же просто отчаявшимся в то драматичное время человеком. В этом случае в Красной армии он видел источник прибыли и пропитания. Такие лица по возможности отсеивались из рядов Красной армии. Не случайно насаждение в армейских рядах железной дисциплины стало главным лозунгом большевистского руководства еще в начале марта 1918 г., когда стало ясно, что без твердого порядка нельзя рассчитывать на успешное строительство вооруженных сил и защиту завоеваний революции.

Первые военные испытания выпали добровольческой Красной армии в первые же недели после ее сформирования. После срыва мирных переговоров в Бресте и окончания перемирия 18 февраля 1918 г. возобновилось германское наступление крупными силами, по всему фронту – от Рижского залива до устья реки Дунай. 21 февраля В.И. Ленин от имени ЦК партии и советского правительства обратился с воззванием «Социалистическое Отечество в опасности», в котором призвал рабочих и трудовое крестьянство России защитить республику. 22 февраля Верховным главнокомандующим Н.В. Крыленко была объявлена «революционная мобилизация», организационно-правовая форма которой все же оставалась добровольческой, поскольку мобилизация проводилась районными совдепами и штабами Красной армии в форме «записи в революционные войска»[118]. Однако запись дала крайне разочаровывающие результаты. В первые дни по войскам Петроградского военного округа удалось набрать для отправки на фронт отряд в 200 человек из 6-го Тукумского латышского стрелкового полка. Остальные части, дислоцировавшиеся в Петрограде, дали значительно меньше добровольцев: Измайловский полк – 100 человек, Финляндский – 60, Павловский – 49, Семеновский – 15, Петроградский – 8 человек. В 3-м стрелковом полку не записалось ни одного человека[119]. В Обуховском районе Петрограда, «узнав о мобилизации, половина Красной гвардии сдала оружие и разошлась»[120]. В итоге, по признанию главкома Н.В. Крыленко, «в критический момент наступления немцев и в течение ближайшей недели после него, то есть с 18 по 25 февраля, в распоряжении Военного комиссариата не оказалось никаких вооруженных сил для оказания отпора немцам и в течение ближайшей недели после начала германского наступления»[121].

[118] Октябрьская революция и армия. С. 400.

[119] *Молодцыгин М.А.* Указ. соч. С. 33.

[120] РГВА. Ф. 2. Оп. 1. Д. 71. Л. 36.

[121] Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 466. Л. 70.

Второй этап добровольчества (конец марта – май 1918 г.)

Германское наступление отрезвляюще подействовало на большевистское руководство страны и остудило наиболее радикальные левацкие взгляды на военное строительство. Сама отставка с поста наркома Н.И. Подвойского, а с поста главкома – Н.В. Крыленко напрямую связывалась с тем обстоятельством, что «вся работа» наркомата по комплектованию Красной армии в период февральского германского наступления «оказалась скомпрометированной, а потому нужны сейчас иные люди и иная работа»[122]. Уже в январе 1918 г. Крыленко вынужден был признать, что «Военный комиссариат… совершенно оторвался от жизни и солдатской массы и в настоящее время представляет из себя замкнутую группу лиц, ведущих большую бумажную работу… не опирающуюся ни на одну живую демократическую организацию»[123].

Противостоять германскому наступлению советское правительство не смогло и вынуждено было пойти на заключение печально известного «похабного» Брестского мира. Но главный урок, который был извлечен из произошедшего, состоял в том, что революции придется всерьез защищаться, борясь с регулярными армиями интервентов и контрреволюционеров. Делая выводы из произошедшего, Ленин объявил «беспощадную войну революционной фразе о революционной войне» и потребовал «серьезного отношения к обороноспособности и боевой подготовке страны»[124]. Для этого нужно было предпринять экстренные усилия по формированию постоянной армии.

Сразу же после заключения Брестского мира со странами Четверного союза советское правительство приступило к развертыванию вооруженных сил и связанной с этим разработке нормативно-правовой базы по комплектованию войск. 5 марта 1918 г. созданный двумя днями ранее высший орган руководства вооруженными силами – Высший военный совет (ВВС) – издал директиву об организации войск прикрытия западных границ Советской республики от возможного вторжения австро-германских войск. Эти войска были названы «завесой». Их развернули по всей демаркационной линии, установленной Брестским мирным договором, почти на 2 тыс. км. Во главе каждого участка завесы стоял военный совет, в состав которого входили военный руководитель и два комиссара. Военные советы вели работу по формированию из местного населения частей и подразделений Красной армии, которые использовались на своих участках или отправлялись на другие направления. Для Москвы и Петрограда создавались особые районы обороны. Формирование отрядов и участков завесы пришлось на апрель – май 1918 г., то есть на период добровольческого комплектования Красной армии. В дальнейшем из отрядов завесы сформировались первые крупные соединения регулярной армии. Создавая завесу, ВВС одновременно готовил общий план реорганизации вооруженных сил Советской республики. Основы этого плана были изложены М.Д. Бонч-Бруевичем 15 марта 1918 г. в докладной записке на имя председателя СНК В.И. Ленина[125]. ВВС предложил под прикрытием завесы сформировать армию всех родов войск общей численностью не менее 1,5 млн человек (без учета запасных частей и тыловых служб). Для комплектования армии намечалось введение принципа «общеобязательной личной воинской повинности». Коллегиальное управление войсками предлагалось ликвидировать и вместо него установить единоначалие. Выборность командного состава по этому плану также ликвидировалась[126].

---

[122] Там же. Л. 1.

[123] Там же. Л. 67.

[124] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 35. С. 395.

[125] РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 466. Л. 41–45.

[126] РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 466. Л. 41–45.

После обсуждения советское правительство приняло план ВВС и положило его в основу военного строительства. Уже 21 марта 1918 г. ВВС издал приказ об отмене выборного начала в Красной армии. В связи с отсутствием военных большевистских кадров в армию и во флот стали активно набирать военных специалистов – бывших офицеров и генералов Русской императорской армии и флота, назначаемых теперь на ключевые командные и штабные посты. Для политического контроля за ними назначались комиссары.

К первой декаде апреля относятся первые «соображения» мобилизационного отдела Главного управления Генерального штаба о возможности призыва тех или иных категорий населения «в связи с вопросом о формировании армии на основах всеобщей воинской повинности»[127] и способах комплектования 1–1,5-миллионной армии «на новых началах» (то есть на началах обязательной службы). В дальнейшем расчеты возможных призывов по возрастам и губерниям следовали непрерывно в течение апреля и мая 1918 г. Моботдел уверял, что мобилизационным порядком (по типу досрочных призывов Первой мировой войны) можно организовать первый призыв быстро – в течение одного-полутора месяцев[128].

Таким образом, после Брестского мира строительство вооруженных сил развивалось в направлении регулярной армии и флота с правильной штатной организацией и профессиональным управлением. Этот курс в полной мере поддерживал и в значительной мере формулировал назначенный 14 марта 1918 г. наркомом по военным делам Л.Д. Троцкий. В то же время сразу отказаться от добровольческого принципа комплектования армии советское правительство в этот период не решилось, ибо в условиях усталости населения от войны и мобилизаций, углублявшегося гражданского раскола «это значило бы вовсе остаться без армии» [129]. Вступив в должность наркомвоена, Л.Д. Троцкий сразу же однозначно высказался в пользу обязательной воинской повинности. В первом же своем публичном выступлении в качестве наркома, 19 марта на заседании Московского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, он заявил, что «наскоро сколоченные» отряды красногвардейцев были пригодны только для противодействия столь же плохо организованным бандам калединцев – врагов «жалких, безыдейных и бездарных», для отражения которых и не нужна была армия. Теперь же «нужна правильно и наново организованная армия»[130]. 22 марта 1918 г., через несколько дней после назначения его на пост наркомвоена, выступая в Алексеевском народном доме, Троцкий посетовал, что немедленной всеобщей мобилизации мешает «приближение весны и связанных с нею полевых работ». Поэтому «пока придется ограничиться введением всеобщего обязательного обучения военному делу и сформированием боевых добровольческих отрядов, которые послужат скелетом новой массовой армии»[131].

Все более скептически относились к возможности ее укомплектования добровольцами военспецы – представители старого Генштаба, перешедшие на службу советской власти и занявшие большинство руководящих должностей, связанных с военным строительством в Высшем военном совете и в учрежденном 8 мая 1918 г. Всероссийском Главном штабе (в основе последнего лежало бывшее Главное управление Генерального штаба). Генштабисты почти единодушно считали путь добровольчества ошибочным и неоднократно доносили свою позицию до руководства советского военного ведомства, настаивая на том, что «в добровольческие армии, как показал опыт военной истории, устремляется много негодного и отчасти преступного элемента» и что «новая боеспособная армия должна быть создана лишь на

[127] Там же. Ф. 11. Оп. 8. Д. 53. Л. 1.

[128] Там же. Л. 8 об.

[129] *Мовчин Н.Н.* Указ. соч. С. 29.

[130] Правда. 1918. 21 марта.

[131] Известия ВЦИК. 1918. 23 марта.

строго научных основаниях, принятых для вооруженных сил всего мира»[132]. После принятия решения о формировании 28 внеочередных дивизий управляющий делами ВВС бывший генерал-майор М.Д. Бонч-Бруевич «письменно заявил народному комиссару по военным делам о желательности провести призыв на военную службу на основании принципа обязательной всеобщей воинской повинности необходимого числа людей…» и приложил конкретные соображения мобилизационного отдела Всероглавштаба о возможном принудительном призыве молодых возрастов[133]. По мнению управляющего делами Наркомвоена бывшего генерал-лейтенанта Н.М. Потапова (13 мая 1918 г.), призыв на основе обязательной воинской повинности давал достаточно качественный людской состав значительно быстрее, чем набор добровольцев[134]. Несмотря на классовое недоверие к бывшим генералам и полковникам, хорошо известно, что большевистское руководство страны (прежде всего нарком Л.Д. Троцкий, а через него – и В.И. Ленин) внимательно прислушивалось к их мнениям и не стеснялось «учиться у военспецов». Безусловно, замечания профессионалов также брались в расчет при выборе основополагающего принципа комплектования Красной армии.

В советской исторической литературе о первых шагах в строительстве Красной армии бытовало мнение, что «с самого начала добровольчество сохранялось как вынужденная мера, необходимая для подготовки условий к организации призывов на основе всеобщей воинской повинности»[135]. Однако исторические факты не свидетельствуют об этом. Ошибочно вменять большевистскому руководству, к тому моменту вообще не имевшему никакого опыта военного строительства, столь далеко идущие планы. Если принять во внимание обстоятельства зарождения Красной армии, то нельзя не учитывать того факта, что оно происходило в условиях победной эйфории, так называемого «триумфального шествия советской власти» первых месяцев 1918 г., когда большевики еще не встречали организованного сопротивления ни на внутреннем, ни на внешнем фронтах. Именно это давало им обманчивое впечатление того, что армия, укомплектованная добровольцами, справится с задачей защиты революции. Добровольчество полностью соответствовало левацкой идеологии, исповедуемой руководством советского военного ведомства первого состава (Подвойский, Крыленко и др.). Согласно их воззрениям, добровольческая Красная армия создавалась лишь на время текущей гражданской войны, в дальнейшем, с установлением социалистического строя, ее сменит стадия всеобщего вооружения народа[136]

[132] РГВА. Ф. 11. Оп. 8. Д. 53. Л. 118–118 об.

[133] РГВА. Ф. 11. Оп. 8. Д. 53. Л. 138.

[134] Там же. Л. 129.

[135] *Дмитриев П.Н.* Указ. соч. С. 14.

[136] РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 360. Л. 98.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.